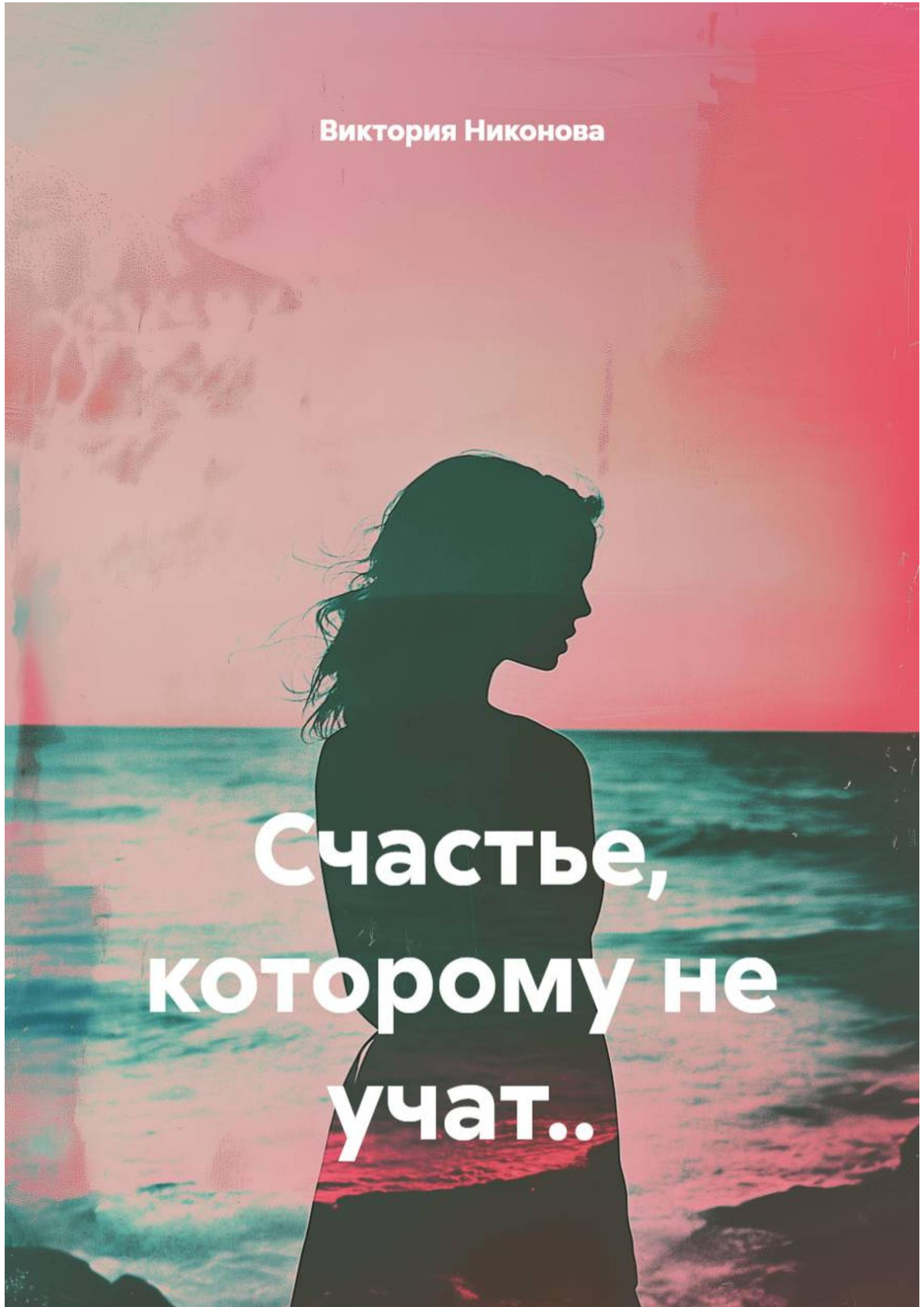

Виктория Никонова

The background of the entire image is a photograph of a woman's silhouette from the waist up, facing right. She is looking out over a body of water, likely the ocean, under a sky with soft, warm colors of sunset or sunrise. The water has gentle waves. The overall mood is contemplative and serene.

Счастье, которому не учат..

Виктория Никонова

Счастье, которому не учат..

«Автор»

2026

Никонова В.

Счастье, которому не учат.. / В. Никонова — «Автор», 2026

Девочка Яна растёт в неблагополучной, многодетной семье в условиях страха и постоянного чувства ненужности. Кажется, что её судьба предрешена, но с самого рождения рядом с ней постоянно находится ангел-хранитель — внутренняя опора, не позволяющая ей сломаться, когда в её жизни случаются непоправимые ошибки. Будучи взрослой, Яна учится доверию и прощению, строит бизнес, семью — тому, чему её никто никогда не учил. Но одна случайная поездка меняет всё. Грань между жизнью и смертью становится реальностью, и Яна впервые видит свою жизнь как путь, который вёл её к главному выбору: остаться в боли прошлого или выйти в свет. Это роман о силе духа в самых тёмных обстоятельствах. О вере, которая помогает устоять. О внутреннем взрослении, где счастье не получаешь готовым: оно создаётся своими руками через боль, принятие и прощение.

© Никонова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Счастье, которому не учат..

Глава

Все персонажи и события, описанные в данной книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны и непреднамеренны.

Автор не несёт ответственности за возможные интерпретации или выводы, сделанные на основе содержания книги. Читатели должны понимать, что художественные произведения могут содержать элементы, которые не соответствуют действительности и не должны восприниматься как реальные факты или рекомендации.

Пролог

Молодая симпатичная женщина в короткой чёрной юбке и туфельках на низком каблуке стояла на пустыре в задумчивости. Расстегнув пару пуговиц лёгкого красного пиджачка, она с нескрываемым разочарованием оглядывалась вокруг, будто что-то искала.

— Всё заросло травой, — еле слышно произнесла она. — Тот же лес, но не такой густой, как казалось в детстве. А бараки? Где они?

Яна задавала себе вопросы, ответы на которые были уже не важны. Она испытывала лёгкий шок и недоумение, ведь ей так хотелось увидеть место далёкого детства не изменившимся... Или почти не изменившимся.

Одиноким барак, что стоял, словно пригорюнившись, привлёк её внимание. Воспоминания нахлынули одно за другим.

— Папа, папочка, не бей, не надо! — кричала Яна сквозь рыдания.

Вместе с ней голосили старшая сестра и братишка Колька. Мать лишь стонала от ударов и тщетно пыталась закрыться.

— Заткнитесь! — злобно отвечал пьяный отец. — Меньше будет загуливать, и позорить меня!

Кошмар продолжался почти всю ночь. Наутро, не выспавшиеся и голодные, наскоро одевшись, дети убежали в школу. По возвращении домой с грустью и молчаливым негодованием они наблюдали другую картину. На диване лежала мама с чёрным от синяков лицом и тихо стонала. Отец пытался ухаживать за ней, как за больной: смачивал под умывальником тряпку, прикладывал ко лбу матери и жалостливо повторял:

— Танюшка, прости! Дети, простите!

«Каждый раз одно и то же...», — с тоской подумала Яна. Девочка любила отца, но в такие моменты яростная обида и злость поднимались бурей и тут же затихали где-то внутри.

Посигналил муж Дима, поджидающий в новой блестящей иномарке. Повернувшись к машине, Яна, незаметно утирая слёзы, медленно уходила от мест горьких воспоминаний. Страхи, которым не было ни конца, ни начала. «Как же я выжила и не обозлилась на весь мир?» — спрашивала она себя, возвращаясь назад.

— Никогда больше не появлюсь здесь.

Лёгкое дуновение ветерка коснулось лица Яны.

Ангел поднимался все выше и выше. Главное — ты жива, и добра в тебе больше, чем зла.

Воспоминания из детства.

Барак. Одна из нескольких квартир.

Порог.

Вот я сижу у печки.

*Читаю книжицу, затёртую до дыр.
По слогам. Медленно.
Без знаков препинания речи.*

*Вот так читает сейчас сын.
Всё без разбора, быстро, не запоминая.
Торопится.
А я прошу: ещё немного,
вот до этого, до края.*

*Себя припоминаю девочкой у печки.
Порог.
И я сижу, читаю вслух.
Меня не замечают, не ругают,
если случайно совершу ошибку вдруг.*

*Не сознавая важности момента —
соединения мира книг с душой, —
та девочка, сидевшая у печки,
лишь складывала слоги меж собой.*

Часть 1. Детство

Глава 1. Спасение маленькой души

Творец даровал ей жизнь! Но мешали... Как всегда мешали. И был послан Ангел-хранитель — спасти Яну!

— Привет, Танька!

— Ты что, опять того... беременна?!

Бабка Феня зашла к собутыльнице, моложе её лет на тридцать.

Та стояла и отрешённо глядела в немытое окно. Кримпленовое кирпичного цвета платье сидело на фигуре впритык.

— Да, опять, — с тоской в голосе ответила Татьяна.

Детей было трое, младшей Марине вот уже год. А что делать с этим залётом? Третий месяц на носу. Идти на аборт в консультацию? Поздно. Да и что-то внутри останавливало.

— Ну что, вся в думах? Давай винца хряпнем, и я помну твой живот хорошенько — глядишь, и выкинешь, — охрипшим голосом предложила престарелая соседка.

Разлили по стаканам «Изабеллу», выпили.

«А почему бы и нет?» — подумала Татьяна. Вино тепло и приятно разлилось по телу. На смену тревожным мыслям явилось беззаботное веселье. Бабка Феня закурила «Приму». Поток бранных слов перемешивался с шуточками, которые она помнила со своей последней отсидки.

Он закрыл её своим невидимым телом, и удары приходились на него, на Ангела. Девочка от испуга спряталась, насколько могла, внутрь живота. Она испытывала жуткий страх и в то же время — защиту и спокойствие. Через некоторое время толчки прекратились. Девочка засунула палец в рот и, наслаждаясь им, заснула.

— Ну вот, теперь ты родишься! — радовался Ангел.

Голова болела от принятого вчера, очень хотелось пить. Татьяна жадно прилипла к ковшику с колодезной водой, вспоминая, что было вчера. Они с бабкой Феней пытались разродить её, сделать выкидыш, но, видимо, тщетно.

— Ай, буду рожать, — сказала решительно, как будто кому-то назло, Татьяна. — Четвёртый — так четвёртый!

Посёлок Лоухи окружали леса и болота. Вернее сказать, ПГТ — посёлок городского типа, - райцентр, граничащий с Мурманской областью. Суровые карельские пейзажи с валунами, покрытыми мхом, обрамляли озера. Просторы болот с медовой ягодой морошкой раскинулись на многие километры. Лес, похожий на тайгу, к северу мельчал, переходя в тундровую полосу перелеска. Когда-то здесь хозяйничала старуха Лоухи — героиня эпоса «Калевала», ведьма. По её имени и был якобы назван посёлок.

Растянутый в длину от железнодорожного вокзала до трассы Санкт-Петербург — Мурманск, он имел, как и все малые города России, центр и районы на отшибе. Новые, благоустроенные трёх- и пятиэтажные дома возводились в центре. Яна с семьёй жила в одном из районов посёлка Су — по названию строительного управления СУ-199. Местные звали их «сусовскими».

«Сусовские» обитали в бараках, когда-то построенных для дорожников. Дома так и остались стоять, только жильцы в них менялись со временем. Длинные угрюмые строения бесполезно было топить зимой: тепло в них не держалось. Подъезды обозначались номерами с торца и вдоль всего барака. Вход в каждую квартиру предвещал тамбур с деревянными ступенями. Комнаты разделялись тонкими перегородками, оклеенными, как и стены, обоями. Дверной проём занавешивали шторы. К каждому барaku предусмотрительно был построен высокий, прямоугольный, общий сарай, поделенный на секции по количеству квартир. Остальные необходимые удобства находились на улице: колонка с водой и туалет.

Не все жители барачных владений вели примерный «советский» образ жизни. Кто-то приехал за «длинным рублём», завёл семью и остался. Кого-то сюда ссылали, как неугодный властям элемент. Среди «сусовских» проживали и потерявшие себя в пьянстве матери и отцы, и воры-рецидивисты, и супруги, гнавшиеся за мечтой заработать, а потом вернуться на родину.

Там, где взрослые пьянствовали, дети оказывались предоставлены сами себе. Полная свобода — никаких ограничений, никаких «пора домой». Пока одних в девять вечера загоняли с улицы, другие могли гулять всю ночь напролёт. Особенно летом, во времена белых ночей. Дома таких детей никто не ждал и никто не волновался, где они.

Иногда девчонки из неблагополучных семей собирались на ночёвку к кому-нибудь в сарай, где с намёком на уют были организованы спальные места. Сначала смеялись до слёз от рассказанных анекдотов и детских шуточек, затем переходили к страшилкам, кто-нибудь начинал вполголоса, другие замолкали, лишь далёкий собачий вой нарушал тишину. Наконец всё стихало, и кто-то принимался рассказывать о своём: про невменяемого пьяного отца, про драки в семье. Так в темноте сменялась радость на тишину, где каждому вдруг становилось немного грустно.

Это было в конце семидесятых годов, в эпоху брежневского застоя. Но если бы тогда кто-то попытался объяснить детям или подросткам значение слова «застой», они бы вряд ли поняли, что именно в их жизни застойного: разве что разница между бедными и обеспеченными. Она была, хотя её старались не афишировать. В бараках чаще царили запущенность и пьянство.

Алкоголь нещадно прочертил незримую границу между слоями общества. Вот и родители Яны не смогли избежать этого зла.

Глава 2. Соседи всё видят

Стояла июльская жара. На севере Карелии иногда выпадали такие знойные дни. Из открытой двери на крыльцо вышла девочка не старше трёх лет. Простенькое платье до колен было испачкано сверху донизу, от этого на ткани расплывался замысловатый рисунок. Девочка

уверенно шлёпала босыми ножками по пыльной земле, смело, куда глаза глядят. Обогнула длинный барак и вышла то ли на поляну, то ли на лужайку между двумя частными домами за заборами.

Жара разливалась в безмолвной тишине воздуха. Девочка, осторожно ступая, видела перед собой предметы так близко, что казалось, стоит только протянуть руку, и перед глазами появится то золотистая консервная банка, то блестящее зелёное стекло. Ей было интересно и забавно поднимать и тут же бросать за ненадобностью все эти незамысловатые штуки. Она открывала незнакомый окружающий мир, который светился и струился яркими лучами, словно из ниоткуда. Этот свет сотнями солнечных зайчиков рассыпался по земле, по всем уже ненужным и отработанным предметам, и маленькая Яна их тщательно изучала. То была свалка мусора, куда сбрасывали сухие отходы с ближайших домов.

Задрав вверх голову с жиденькими светло-русыми локонами, Яна зажмурилась. Лучи июльского солнца нежно касались бледного, неумытого лица с носиком-клубничкой: «Так хорошо! Так тепло! А там, в доме, темно и постоянно кричат. Иногда и её ругают». Она начала кружиться и что-то мурлыкать под нос.

— Девочка! Девочка! — услышала она спокойный, бархатистый голос и повернулась туда, откуда он раздавался.

За забором стояла женщина средних лет и мило улыбалась.

— Девочка! Пойди сюда, скорее!

Это была бездетная соседка, что жила со старенькой мамой. Детей Трифоновых она часто видела в магазине.

Её каштановые волосы мягкой волной касались плеч, а глаза цвета кофе сияли добротой.

Яна на минуту засмотрелась на чужую тётю и смело направилась к ней. Женщина легко перегнулась через невысокий забор, раскрыла ладони, внутри которых лежали конфеты в блестящих обёртках. Жёлтые, серебристые и красные фантики засверкали на солнце. Яна чуть замешкалась, но всё же протянула руку и взяла по одной, зажав в кулачке. Подняла голову вверх и улыбнулась в ответ такой красивой тётеньке.

Громкий, строгий голос сестры нарушил идиллию.

— Янааа! Ты где?!

Девочка повернулась и, по-взрослому вздохнув, быстро потопала на окрик сестры.

Неземной свет разливался вокруг, но не всем он был замечен. Ангел находился рядом и следил, чтобы девочка не споткнулась и не наступила ни на один острый предмет.

Люба, старшая сестра Яны, вела её за руку и приговаривала:

— Вот сейчас тебе мамка покажет, как из дома убежать!

У соседнего барака негромко переговаривались две женщины:

— Здравсьте, — искоса глянула на них Люба и, сдвинув брови, постаралась быстрее юркнуть в темноту коридора. Она расслышала несколько фраз и поняла, что соседи судачат про родителей.

Бабка Женя — сухая, с морщинистым не по годам лицом и белорусским акцентом — выдавала то, что уже все в округе знали про семью Трифоновых.

— Ну, куда они рожают?! Для кого?! А потом прокормить не могут!

— Да и выпить любят, причём, оба! Конечно, если бы Танька не прикладывалась, может, и проблем было бы меньше...

В ответ ей поддакивала женщина помоложе. Они недавно поселились в соседнем бараке, из окон которого были видны передвижения семейства. Вторая соседка искренне жалела детей. Она удивлялась беззаботности Татьяны, ведь каждый день надо думать, что приготовить и чем накормить такую ораву. А ещё убрать, постирать, погладить бельё — да мало ли забот у хозяйки. Уж она-то знала: старалась для мужа и двоих сыновей-погодков. А тут?

— Да, баба Женя, я вот как гляну на них, на Трифоновых, сердце материнское обрывается. Одеты как попало, худые... Да что тут говорить, всё на виду. А про пьянки я уж и молчу, стыда-то совсем нет. Так и работу потерять можно.

— Вот мой Толик только по праздникам! Да и то пару стопочек, не больше! Ведь угодить в эту трясину пьянства недолго, а выбраться как? — продолжала рассуждать молодая соседка.

— Мне вот ни вина, ни водки не надо. Сынков поднимать — вот о чём думаю!

Бабка Женя торопилась её перебить.

— Так-так... Ты молодец! А эти...

Тут вторая соседка вдруг вспомнила:

— Ой, бельё ведь кипятится на плите!

Ближайшие соседи Трифоновых, наговорившись, разошлись по квартирам.

Сама Татьяна редко общалась с ними. После двух-трёхдневных загулов становилось стыдно. А для праздников души такие не годились, в Су хватало других подружек.

Через дом жили Бахвальские, выходцы с Кубани. Нина никогда не отказывалась пропустить стаканчик-другой красного вина. С торца их барака проживали Вишняковы с двумя детьми. Хозяйка успевала и по хозяйству, и с соседкой выпить. Бывало, соберутся вместе, накатят по рюмке, а потом хозяйка дома запевала: «Расцвела под окошком белоснежная вишня...» Татьяна мигом подхватывала, и лились песни, переходя в весёлые частушки, что помнились с деревенской юности.

Она, Татьяна, любила жизнь на лёгкой, беззаботной ноте. В свои тридцать восемь всё ещё сохраняла природную красоту: многие роды и появившаяся от них полнота только подчёркивали её женственность. Натуральные темно-русые волны мягко струились до подбородка. Серые, с лукавым блеском, глаза подчёркивали открытое, живое лицо. Губы — цвета кожур граната — оживали, стоило ей запеть или, что чаще, рассмеяться.

В ней чувствовалась деревенская закваска. Она любила петь, быть в центре компании, да и мужское внимание ей тоже нравилось. Вот только с мужем не повезло: нелюдимый, необщительный, одно слово — детдомовский. Вроде и выпьет в компании, а потом, поджав губы, твердит: «Домой, домой». А дома сцены ревности по поводу и без. Детьми упрекает: мол, какая ты мать, бросаешь их.

— А что дети? Пятеро ртов — это не двое. Вырастут. Я тоже не в сахаре жила. Работала в совхозе, не разгибая спины, на заготовке леса. Сучки рубила от зари до зари. Да злая мать обижала. И государство пусть помогает! А то, что ж это, я без помощи лямку многодетности тянуть должна?!

Так рассуждала Татьяна, когда в раздражении на мужа жаловалась поддакивающим ей подругам.

Вечерело. После жаркого дня в воздухе пахло горечью нагретых берёзовых листьев. Сусовские дети разбежались по домам. Взрослые после трудового дня старались пораньше улечься спать. Даже загульных не было слышно. Солнце скатилось к самому горизонту. Лес вокруг будто замер, прислушиваясь к собственному дыханию. Жужжали ненасытные комары, да где-то каркала ворона.

Маленькая Яна крепко спала, раскинув руки. Ей снился сон, как она подпрыгивает и легко взлетает вместе с чудной птицей. Татьяна отодвинула штору на входе:

— Вот, глянь на неё, — обратилась она к мужу. — Лыбится лежит. Надо на горшок посадить, а то поплывёт ночью.

С материнской нежностью она оглядела спящих детей и глубоко вздохнула.

Трифоновы переехали в Лоухи восемь лет назад. До этого молодая пара подалась на заработки на север, в Мурманскую область. В то время строилась трасса федерального значения. Константина взяли водителем на грузовую машину. Татьяна на сносях не работала, занималась

домом. Жили они в вагончиках в придорожном посёлке, где такие же, как и они, жители приехали подзаработать.

Платили исправно, Татьяна лишний рубль отправляла матери в деревню, вспоминая, как та со слезами прощалась с дочерью. Вскоре родился первенец, сын. Назвали Валентином в память о деде, что погиб в первые дни войны.

После родов Татьяна похорошела, расцвела. Костя искоса поглядывал на жену, любуясь, но вслух лишних слов не говорил. Не умел, да и ревновал, замечая мужские взгляды, брошенные будто случайно. Вскоре он стал замечать: открытость к общению с противоположным полом есть и у супруги. Злился, выговаривал, на что та лишь отмахивалась: «Мерещится тебе всё».

Вагончики зимой промерзали основательно, электрическое отопление не справлялось. Стены внутри порой покрывались шершавым, серебристым инеем. В таких условиях сын часто простужался и болел, а благоустроенное жильё всё обещали и обещали. Тогда супруги стали думать и рассуждать, не уехать ли назад в деревню. Но, вспоминая сварливую мать и тещу, оба наотрез отказались. Решение пришло внезапно, вместе с командированным мастером дорожных работ.

— Переезжайте к нам в Лоухи, Костя. У нас райцентр расстраивается, водители нужны. Жильё, детский сад, — всё будет, как положено, — убедительно приглашал мастер, похлопывая по плечу Костю. — Вызов и перевод я гарантирую. Ты мне данные свои напиши.

Так и оказались Трифоновы на карельской стороне, с тем же суровым климатом и среди тех же желающих подзаработать. На первое время поселили их в барачном поселке с обещаниями: вот сдадут пятиэтажный дом, и получите квартиру, дорожникам полагается. Но при сдаче нового дома квартир хватило лишь семьям строителей да номенклатуре. При следующем распределении ситуация повторилась. Костя скандалить, просить не умел. В детдоме его научили терпеть, молчать и трудиться.

Так и прижились в бараке. Да и не до того было Косте. Не клеилась семейная жизнь, и всё тут. Татьяна стала прикладываться к вину, вначале для настроения, вечером после рабочего дня, вдвоём. Потом ей наскучило, и она потянулась в компании. Работая нянечкой в детском саду, познакомилась с родительницами, с теми, кто не против был выпить. При семейных ссорах приводила свои доводы:

— Мы же молодые, Костя. В старости дома насидимся...

— Меня мать неволила, ты что, ворчишь, как старый дед?

— Да не смотрю я ни на кого! Мерещится тебе всё...

Она подходила к мужу, нежно обнимала, и Костя успокаивался до следующего случая, когда вновь подкатывала жгучая ревность.

Так супруги Трифоновы жили, ссорились, мирились с вином, не замечая, что оно затягивает в ту беспросветность, из которой выбраться очень непросто.

Рождались дети. Костя ревновал жену по поводу и без. Появлялась слепая злоба, недоумение, которые копились в нём до поры, а после выпитого изливались рукоприкладством. В такие минуты наступало помрачение, а наутро стыд и совесть безжалостно жгли изнутри.

— Давай попробуем жить по-другому, — то ли настойчиво, то ли умоляюще обращался Костя к жене.

Но разговора толком не выходило. Татьяна в ответ, потрянув волнистыми прядями у лица, упрекала мужа, плакала, а то и откровенно смеялась над супругом.

— Тогда развод! — кричал в бессилии Костя.

И начинался делёж детей. Понимая при этом, что это сплошные пустые разговоры, и никуда они друг от друга не денутся.

А дети в такие моменты испуганно слушали, не зная, кого из родителей поддерживать. Им и представить было невозможно, как жить без матери или отца. Поэтому жизнь семьи Трифоновых плыла, как пущенный по весеннему ручью кораблик.

Глава 3. Ангел всегда рядом

В конце ноября Лоухи засыпало основательно, смело можно было сказать: зима пришла. Темнело рано. Редкие столбы с фонарями, как маяки, подсвечивали тропинки между бараками. По прихваченному морозцем снегу санки катились легко, лишь скрип полозьев нарушал вечернюю тишину Сусовского района.

Яна сидела в деревянном коробе санок и крепко держала младшего брата Кольку между ног. Весело смеялась вместе с ним, когда папа бежал, а потом резко поворачивал. Санки наклонялись, но не опрокидывались. Яна, отодвигая шарф, намотанный до самого носа, кричала:

— Папа, ещё поверни нас, ещё!

Ей шёл пятый год. Она была тем самым нежеланным, не вовремя появившимся четвёртым ребёнком в семье, а младшенькому Коле, всеми любимому у Трифоновых, в сентябре исполнилось три года. Детский сад они с Колей не посещали и позже даже не задавались вопросом, почему... Им было весело дома, под руководством сестры Маринки, которая была старше Яны на два года.

Сегодняшние игры прервал отец. Он вернулся из командировки и всем привёз по игрушке. Яне — курочек на ниточках, которые клевали приклеенные к подставке пластмассовые зёрнышки, Коле — грузовую машину, старшим девочкам — цветные карандаши. Все загалдели, Коля запрыгал, Марина потянулась к курочкам Яны. Одна Люба стояла и смотрела на отца. Она видела его поджатые губы и слегка нахмуренные брови.

— Где мать? — обвёл всех недовольным взглядом отец.

В ответ — пожатие плечами.

— Ясно... — матерно выругавшись, Костя пошёл растапливать печку.

Яна с Колей крутились возле него, соскучились.

— А на улице вы были? — теперь уже мягче спросил отец.

Коля покачал головой.

— Ну тогда... Одевайтесь, свожу вас на санках.

Люба, помогая одеваться младшим, неожиданно выпалила отцу, что мама не ночевала дома. Лучше бы промолчала. У отца задвигались скулы. Широкой пятернёй, убрав назад густые каштановые волосы, он надел шапку, бушлат, как он называл тяжёлое полупальто с искусственным воротником, и вышел на улицу, громко ударив дверь костяшками кулака.

Вернулись с прогулки дети розовощёкие и довольные. У плиты уже хозяйничала Татьяна.

— Мамочка! — радостно закричал Колька и бросился к ней.

Яна тоже хотела подбежать, но остановилась, увидев, как та отстранила Колю:

— Снежный какой! Иди, сестра поможет раздеться.

Она торопливо открыла дверцу топки, подкинула дрова. Не глядя на мужа, суетливо повернулась к столу, продолжила месить тесто. На столе стояла бутылка.

Люба, помогая раздевать младшего, глянула на мать и укоризненно заметила:

— Опять? — круглым лицом с двумя тёмными косичками кивнула на бутылку с наклейкой «Изабелла».

— Ты мне не указ! Помоги раздеться, да иди уроки делай, а то вся тройками обросла! — резко обронила мать старшей дочери и поправила ситцевый в цветочек платок на голове, завязанный сзади.

— А чай пить будем? — выкрикнул Коля.

— Будете, будете, — теперь уже тепло, с улыбкой глядя на мужа, бойко ответила Татьяна.

Костя молчал, не хватало духу трезвому разобраться, что в их семье происходит. Почему жена позволяет себе бросать детей, ночевать неизвестно где? То ли стыдно было при детях — старшая уже подросток, почти девушка, — то ли снова поддавался на женские хитрости и уловки, как сейчас с бутылкой вина. Да и не любил он лишней болтовни. Гуляя с детьми, надеялся успокоиться, но всплывали в памяти другие случаи, и Костя злился.

Бывало, наедине с собой вспоминалась молодость: как окончил ремесленное училище, поехал работать на заготовку леса. Там и встретил Татьяну — деревенскую, весёлую, беззаботную. То, что ему не хватало в его строгой, мрачной жизни, начиная с детского дома. А ещё оживала в памяти незабвенная любовь. Не хватило тогда смелости признаться в чувствах той девушке, как не хватило потом, чтобы подать на развод, когда Татьяна впервые уехала с ухажёром, оставив его с сыном. Простил, как сейчас, с вином. Но не всегда спиртное успокаивало: иногда Костю охватывала злоба, и он не мог совладать с собой, бил Татьяну.

Ночью Яна проснулась от криков родителей и плача младшего. Люба причитала:

— Нам с сестрой в школу, мы опять не выспимся!

Но было поздно. Оттолкнув Любу, Костя с кулаками набросился на Татьяну. В какой-то момент она вырвалась и выскочила на улицу, не почувствовав мороза, бросилась в соседний подъезд. Костя захлопнул дверь так, что посыпалась штукатурка с печки, матерно выругался:

— Можете все бежать следом!

Люба и Маринка пытались уложить спать младшего. Они знали, что это ещё не всё, бессонная ночь им гарантирована.

Яна сидела на кровати, отодвинув дрожащими руками занавеску, смотрела в наполовину замёрзшее окно. Светила луна, в чёрном морозном небе мерцали звёзды. Она вся съёжилась и сквозь слёзы шептала:

— Кто может успокоить папу? Кто бы нам помог?

Ангелу пришлось подгонять всех: соседей, приютивших Татьяну, милицию, которая не торопилась на знакомый адрес. Он рисовал узоры на окне в виде снежинок и зверушек, чтобы Яна хоть на миг отвлеклась от страхов, которые вытягивали из девочки все силы.

Отца Костю забрали в участок милиции, продержали до раннего утра. Протрезвевший, злой, он шагал по ещё не основательно протоптанной тропинке. Отделение милиции находилось в двух километрах от Су. Один из сотрудников оказался другом старшего сына Валентина. После армии его приняли в ряды правопорядка, а вот Валентина весной должны были призвать в армию.

Состоялся мужской разговор:

— Дядя Костя, я вас уважаю и могу отпустить раньше, без протокола. Только пообещайте, что вы больше не поднимете руку на жену. Не по-мужски это, дядя Костя.

Выслушав скудные обещания, отпустил домой.

Продрогший, Костя шагал быстро, армейской походкой. Мысли беспорядочно крутились вокруг Татьяны и детей. «Пятеро их, поднимать надо, а у неё одни подруги в голове. Вот старший, можно сказать, взрослый: получит профессию токаря, армию отслужит, начнёт свою жизнь. А остальные?» — сам себя спрашивал Костя и не находил ответа. В голове крутилось: «Да-а-а, что-то в их семейной жизни не складывается».

Вспоминал, как мечтали они с Татьяной по молодости: будет у них свой дом, дети. Но не выходило из неё хозяйки. Беззаботность, что привлекла Костю при знакомстве, в семейной жизни оказалась нектати.

Протрезвевший Костя, убыстряя шаг, прошёлся мысленно по всем детям. Любимицей, конечно, была Марина, средняя дочка. Очень она на мать Акулиню похожа. Костя родительницу помнил, ему восемь исполнилось, когда она померла — сепсис. Дочку среднюю так и называл иногда: «Акулинка моя».

Старшая Люба не была похожа ни на него, ни на Татьяну. Костя вообще сомневался, что он Любин отец, события тех дней вспоминать не хотел. Растил, как всех.

А вот самая младшая... Странная какая-то. Яной назвали. Почему, и не помнил уже. Вот шестой год пошёл. Молчаливая растёт, но если говорит, то порой рассуждает как взрослая. Недавно спрашивает:

— Папа, а кто всё придумал?

— Что всё?

— Ну, всё, что мы видим и слышим. Ветер кто придумал? Звёзды? Почему они светятся? И кто придумал, как пахнут листья у берёзы?

— А листья-то что, нюхала?

— Да, когда гуляла за сараем в лесу.

Другие дети вопросов не задают, а тут не знаешь, что и отвечать. Младший вообще почти не говорит, а уже три года исполнилось. Вот и поворот на Су. Костя прошёл мимо длинного барака, в котором располагалась контора передвижной механизированной колонны — 189, и тут его осенило. «Пойду завтра, устроюсь на стройку! Пора заканчивать с командировками, всё образуется!» — пытался успокоиться Костя. Ускорил шаг, намереваясь просить прощения у Татьяны и детей.

Глава 4. Яна открывает мир книг.

Зима с завывающими в окна метелями, студёными морозами, застывшей до ледяной корки водой в бидоне и холодными по утрам полами в квартире закончилась. Снег на улицах оседал, чернел, образуя большие лужи между бараками. Люди переобулись в резиновые сапоги и старались перешагивать слякоть по брошенным наспех доскам. Из-за рваных туч подсвечивало солнце. Вовсю заливались большие синицы.

Яна, гуляя, вдыхала какой-то особенный, свежий воздух. Они с братом Колькой засиделись зимой дома. Бывало, что их просто закрывали с улицы на замок, кроме школьных каникул, когда старшие сёстры брали Яну с Колей кататься с горки, строить снежную крепость или просто валяться в сугробах с другими сусовскими детьми.

Так Яна познакомилась с ровесницей Соней, что жила в центре посёлка, где располагался продуктовый магазин. Запрета родителей уходить далеко от дома не было, и Яна сама потихоньку осваивала территорию. Вот и сейчас она направилась туда, где жила подружка Соня. Поднялась по двум выметенным ступеням крыльца и зашла в тёмный, уличный коридор. На ощупь нашла дверь и неуверенно постучалась.

— Да, — отозвался женский голос.

Открыв дверь, Яна переступила порог. От запаха жареной еды сглотнула слюну.

— Здравствуйте, а Соня выйдет гулять? — громко спросила Яна и тут же стала переминаясь с ноги на ногу.

Мама Сони, в цветастом переднике, с убранными в пучок волосами, с нескрываемым любопытством смотрела на Яну.

— Здравствуй! Выйдет. А ты, чья будешь?

— Трифонова, — девочка смутилась под взглядом карих, изучающих глаз.

— А-а-а, Трифонова. Ну, раздевайся, проходи. Ты, наверное, есть хочешь?

«Откуда она знает?» — подумала Яна, ещё больше смутилась и опустила глаза в пол. Выручила Соня, она выскочила из комнаты и затараторила:

— Мама, мамочка, а можно нам с Яной в библиотеку записаться? Вдвоём.

И тут же запрыгала вокруг подружки. Её рыжие кудряшки подскакивали в такт вместе с ней.

— Яна, у нас за стенкой теперь библиотека! — в глазах Сони горели две искорки, а нижняя губа чуть оттопыривалась. — Пойдёшь со мной? Нас запишут в карточки и даже разрешат взять книжки с картинками! Правда, мама?

Соня тараторила скороговоркой, прыгая от Яны к маме и обратно.

— Пойду, — Яна продолжала переминаться с ноги на ногу, ощущая на себе взгляд мамы Сони.

От этого ей стало неловко, и она, обращаясь к подружке, громко и ясно выпалила:

— Соня, я подожду тебя на улице. До свидания!

Не глянув на маму Сони, она быстро повернулась к выходу.

В библиотеке Яне понравилось всё: множество книг, стройными рядами стоявших на стеллажах, уютная тишина, нарушаемая шагами редких посетителей, и сама библиотекарь.

Молодая девушка в очках и хвостиком на затылке, в тёмно-зелёном свитере с высокой горловиной, поднялась из-за стола навстречу девочкам.

— А, соседка, Соня! А кто это с тобой, с такими большими задумчивыми глазами, наверное, подружка? Ну, проходите, проходите.

Она указала рукой на следующую комнату.

— Только давайте договоримся сразу, — не шуметь и громко не разговаривать, чтобы не мешать другим посетителям. Мы с вами находимся в волшебном месте — царстве книг! Здесь можно очень многое узнать, — тихо, чуть ли не шёпотом произнесла библиотекарь и при этом подняла указательный палец. Девочки прошли в зал.

— Сколько вам лет? — обратилась библиотекарь вначале к Яне.

Но Соня не могла молчать:

— Мне шесть лет уже.

— У меня, — всё-таки вставила свой ответ Яна, — сегодня день рождения! Шесть лет, но праздника не будет, потому что у мамы нет денег, и она ушла по делам, — не зная зачем, произнесла тихо Яна.

— С днём рождения, подружка! — опять выпалила Соня, а библиотекарь, поправив очки в толстой оправе, обняла девочку.

— С днём рождения! Как тебя зовут?

— Яна.

— Очень приятно, Яна. А я Вера Васильевна, библиотекарь. И для начала давайте запишу вас в формуляры, — уже чуть громче и как-то торжественно сказала Вера Васильевна. — Затем разогрею чайник, и мы отметим твой день рождения чаем с шоколадкой. А потом вы с Соней сядете вон за тот столик, — она махнула головой в сторону. — И я принесу вам книжки с иллюстрациями животных нашего края. Согласны?

Соня захлопала в ладоши, а Яна впервые улыбнулась.

— Да.

— И ещё, — задумчиво произнесла Вера Васильевна, — я дам вам азбуку, старую. Может, понемногу и осилите буквы. Вы знаете, они становятся такие интересные, когда складываются в слова!

Спустя два часа Яна бежала домой окрылённая и радостная. Девочка торопилась рассказать о таком важном событии: она теперь записана в библиотеку, и в доказательство показать подарок от Веры Васильевны — тоненькую книжку, которую крепко держала в руках. Яна бежала с остановками, переводя дыхание и вспоминая слова библиотекаря: «Это сказки Братьев Гримм, мама или сестры могут читать тебе, а скоро, я уверена, ты и сама сможешь прочитать книгу братику».

Уже темнело, ноги в резиновых сапожках скользили по хлюпкому, подтаявшему снегу. Яна чуть-чуть дрожала после жарко натопленного помещения. Внутри неё всё пело и играло.

«Какая же она добрая,» — подумала девочка о Вере Васильевне. Ей очень-очень захотелось научиться читать.

Заскочив в квартиру, с порога увидела маму, громко о чём-то говорящую с отцом. Она только успела радостно произнести: «Мама, знаешь, где я была?» — как её одёрнула Маринка.

— Да, тише ты! Видишь! — рукой она указала на стол, где с краю лежала коробочка синего цвета.

— Нашей маме медаль вручили!

Вокруг стола стояли дети и передавали из рук в руки медаль за «Материнство» II степени. Так вслух прочитала Люба в небольшой квадратной книжке, прилагающейся к награде.

Отец внимательно слушал маму или любовался ею, хотя со стороны было непонятно. Татьяна, жестикуюлируя руками, продолжала:

— Пригласили нас в райком, меня и ещё троих с совхоза, вручили по медали, наговорили красивых слов, и всё на этом.

— Я думала, нам материальную помощь выделяют! Мне вот обувь не на что детям купить, а они всё про государство талдычили. Мол, вы поднимаете уровень рождаемости в стране, и теперь вам полагается дополнительный отпуск. Да на кой мне отпуск, если я не знаю, чем завтра кормить детей!

Татьяна умолчала, что при вручении первый секретарь, пожимая ей руку, негромко добавил:

— А вы, Татьяна Алексеевна, помните, что за детьми должный уход вам с супругом, как родителям, полагается соблюдать.

«Ясно,» — подумала про себя Татьяна. Слухи в посёлке, как в большой деревне, разносились быстро. В ответ она промолчала, как молчал сейчас и Костя, понимая, что награду-то они с Татьяной ещё не заслужили.

Ангел стоял рядом с Яной, как мог, отгораживал от холодных волн равнодушия. Он внул девочке: «Ничего, мама обязательно выслушает её позже». Добавлял воспоминания таких тёплых глаз, смотрящих на Яну сквозь очки.

Девочка разделась и ушла в дальнюю комнату, крепко обнимая книжку.

Глава 5. Страхи девочки.

Яна проснулась в полной тишине, такой, что даже скрип старой дверной пружины где-то за стенкой казался далёким, будто из другого мира. От пола тянуло чуть влажным, сырым запахом. Где-то в глубине барака коротко твякнула собака и снова замолчала. Не слышно было ни разговоров, ни ругани, ни топота босых ног. Даже радио соседей не гремело привычным «Маяком».

Тишина будто обтекала всё, на что падал взгляд ребёнка. Сквозь ветхие шторы свет нового дня пытался проскользнуть в квартиру. Девочка разглядывала знакомые обои в крупную полоску, свисающие по углам. Растрескавшаяся на печке в нескольких местах штукатурка напоминала силуэт чего-то, что Яна ещё не придумала.

Очень хотелось в туалет, но для этого нужно было бежать на кухню, где стояло помойное ведро, а ей было страшно, очень.

Она тихонько, в темноту, позвала:

— Мари-и-на-а! Ко-о-л-я?..

Никто не ответил. Яна сжала края одеяла, ладони взмокли, что-то внутри сковало, и от ужаса она не в силах была двинуться.

Страх рисовал в голове картины. Сначала ей казалось, что на кухне, под самым потолком, стоят злые медведи. Потом почудилось, что у печки её поджидает безобразная старуха с беззубым ртом.

Яна забралась с головой под тонкое солдатское одеяло, но легче не стало. Наоборот, страх усилился, и девочка готова была расплакаться.

Высунув голову с закрытыми глазами и беспомощно перебирая руками одеяло, Яна мысленно кричала: «Где все? Почему я одна?!»

Целых два дня трое детей Трифоновых находились взаперти. Подвыпившие родители ушли утром и сказали: «Вернёмся через пару часов». Дети слышали стук наброшенного замка, но прошёл день, наступил вечер, а родители так и не появились.

На следующий день брат капризничал, просил кушать. Следом за ним ныла и Яна. Маринка, старшая, успокаивала, как могла, в том числе и угрозами:

— Ещё раз пикнете, отлуплю обоих отцовским ремнём!

И дети примолкли. Хотелось есть. Замочили в воде сухари, что сушились на печке. Ночью по сухарям ползали блестящие тараканы, но на эту живность уже никто не обращал внимания. Сухари съели — вот и вся еда.

— Ну! — предложила Маринка. — Давайте играть в школу! Я учительница, а вы в одном классе учитесь. Я пишу вам примеры на доске, а вы отвечаете.

Школьной доской для детей служила окрашенная в серый цвет дверь.

— За неправильный ответ — наказание! Я потом придумаю, какое.

В этот раз для невнимательных учеников всё обошлось без последствий. Самой «учительнице» быстро наскучило играть в школу, и она предложила прятки.

Так прошёл ещё один день, а когда за окном стемнело, дети легли спать. Маринка с Колькой — в маленькой комнате, а Яна — в большой. Ей хотелось первой услышать, как скидывается замок с уличной двери, и мама с папой возвращаются, и обязательно трезвые. С такими мыслями она и уснула.

...И вот что же получается? Она одна дома?! Девочка снова тихонько позвала:

— Мариин-на, Кооо-ля!

В ответ — тишина. Через некоторое время позвала сестру с братом уже громче. Опять — тишина. «И что теперь делать? Ведь мне так страшно!» Вдруг Яна увидела золотой луч солнца на стене, который становился шире и ярче. Она смотрела на солнечную полоску, и страх понемногу растворялся. Стало чуточку повеселее, как будто кто-то её ободрял.

«И что это я забоялась? Ну, нет там никаких медведей и старух! Пойдем смело!» — уговаривала сама себя девочка. Яна весело вскочила, потопала по холодному, с истёртой краской, грязному полу на кухню, раздвинула шторы на окне. Зачерпнула кружкой воды, выпила почти всю. В животе заурчало. Бросила взгляд на печку — сухарей нет.

— А почему так холодно? — поёжилась Яна.

Прошла в маленькую комнату, и первое, что увидела, — разбитое окно. Ветер шевелил штору.

«Значит, Маринка с Колей через окно убежали? Но как же я? Они бросили меня одну?» Девочке опять стало не по себе, она вздрогнула от холода и страха. Обняв себя за плечи, присела на корточки, слёзы душили.

— Холодно... надо одеться.

Яна нашла свои колготки с дырками на пятках, других не было. Быстро натянула их, надела ситцевое платье в мелкий цветочек, сверху любимую зелёную кофту с чёрными пуговицами. Её отдала с мешком одежды одна женщина. В тот раз Яна сама вытащила кофту, ей нравился зелёный цвет, а вот колготок в мешке не оказалось.

Сидя на кровати, Яна расплакалась: сначала тихо, потом громче и громче, повторяя:

— Мама... мамочка... ты где?..

Размазывая по щекам слезы, её взгляд упал на двух кукол в углу. Куклу с белыми волосами, чёрными жёсткими ресницами и подкрашенными красной ручкой губами брать запре-

щалось — это была Маринкина. Яна играла с большим, голым пупсом, которого заворачивала в тряпки от старой одежды. Его она и схватила, судорожно прижимая к себе и всхлипывая:

— Мама... мама...

За стенкой соседи включили проигрыватель с песнями популярной певицы. Яна вслушивалась в припев: «Арлекино, Арлекино... нужно быть смешным для всех...»

«Интересно, а кто такой Арлекин? — задумалась она, утирая слёзы. — Надо будет спросить у Маринки».

И тут, сквозь музыку, Яна услышала, как открывается уличная дверь и с резким стуком захлопывается. Шумные шаги сопровождались матерной руганью. Папа, кажется, пьяный. Яна вся сжалась, задрожала, как осиновый листик на ветру, отложила пупса. В голове будто крикнули: «Беги!»

Снова подступил липкий страх, руки и ноги словно сковали, но с тлеющей надеждой внутри, она вышла навстречу отцу.

— Папа, а где мама? — несмело спросила она.

Но, увидев перекошенное от злобы лицо, Яна отпрянула назад.

Отец стоял, пошатываясь, и сжимал кулаки.

— Где твоя шлюха - мать?!

Дальше только злые, грязные слова вылетали из тонких губ.

— Я не знаю... Я проснулась, а никого нет... — её голос дрожал и заикался.

Сердце от страха заколотилось сильнее, руки опять вспотели. И тут отец стал швырять её к выходу с криками:

— Иди, ищи свою мать!

Яна ощутила удар по уху, громко заплакала, но от этого отец ещё больше разозлился. От следующего толчка она вылетела в уличный коридор, больно ударилась о ступеньку и закричала.

И тут дверь с улицы резко открылась. Влетел сосед Миша, молодой парень, только что вернувшийся из армии. Они с тётей Линой Климовой, его мамой, жили в соседнем подъезде. А со старшим сыном Трифоновых — Валентином — он дружил. Теперь его друг Валька исполнял воинский долг где-то на Урале.

Михаил одевался торопливо, словно кто-то подгонял. Крики услышал, выходя из квартиры. Наверняка, у Трифоновых скандал. Он знал, что дядя Костя бьёт свою жену, и никогда не вмешивался, впрочем, как и другие соседи. Но тут кричала девчонка, скорее всего младшая, и он побежал к квартире Трифоновых. Распахнув дверь, увидел плачущую взахлёб Яну. Поднял её на ноги.

— Всё в порядке? Ты цела?

Яна мотнула головой и выскочила на улицу.

Михаил, схватив за грудки отца девочки, с силой тряхнул его.

— Ты что творишь?! Это же ребёнок! Вмазать бы тебе самому!

Костя испугался, обмяк, будто сознание вернулось к нему.

— Да, я что, Миша... Она ведь, паскуда, опять обманула меня и умотала... Давай выпьем, у меня вот пол-литра есть...

— Нет, батя, я пас, — он развернулся и вышел.

Михаила с братом воспитывала одна мать. Отец Вальки ему нравился, он бы даже хотел себе такого отца. Михаил уважал дядю Костю за его немногословность. В трезвые дни тот играл с пацанами в футбол и, как друга Валентина, брал с собой на рыбалку.

«Не повезло ему с женой», — так говорила мать. Да и соседи шептались, будто бы жалея мужика. Но пьяный глава семейства Трифоновых превращался в зверя. Словно это был совершенно другой человек — безжалостный, жестокий. Плач детей, уговоры «не трогать маму»,

доносились до всех соседей, но никто не вмешивался. Каждый жил своим семейством и своими заботами.

Ангел оказался рядом сразу, по зову детской души. Тёмная нечисть вовсю разыгралась в видениях девочки и наяву. Он торопил людей: «Быстрее, быстрее...» Внушал соседу: «Скорее, выходи из квартиры!» А одной из сердобольных соседок подкинул воспоминания её грустного детства с пьющим отцом, чтобы та решилась вызвать милицию.

Соседка, удивляясь сама себе, вслух произнесла:

— Ну, не могу я, мать троих детей, слышать и видеть горе этих брошенных Трифоновых. Надо вызвать милицию! И пусть мне выскажут остальные молчаливые, мол, зачем лезешь не в свое дело. Я им даже слова не скажу, а вот Татьяну пристыжу!

Яна юркнула в уличный коридор соседнего подъезда. Забилась в угол и села на высокую ступеньку. Сквозь слёзы, захлёбываясь от рыданий, повторяла:

— Мама... мамочка... где ты? За что меня бить? Я же маленькая! Куда мне теперь идти?

Она, обхватив тонкими ручонками колени, уткнулась в них лбом. Сжалась в комочек. Мир вокруг словно исчез, остались только тихие всхлипы и гул в ушах. Но вдруг гул прорезал резкий визг тормозов. У подъезда затарахтела машина, хлопнула дверца, и она услышала громкий голос соседки:

— Наконец-то! Приехали!

Яна подняла голову и сквозь щели дощатого коридора увидела знакомый серый уазик. Из него быстро вышли двое мужчин в форме. Соседка показывала рукой в сторону их квартиры, говорила взволнованно, перебивая саму себя. Кто-то шептал:

— Там девочка, бедная, сидит в подъезде, плачет.

Яна ничего не понимала. Она просто сидела и дрожала, утирая слёзы ладошками. Не прошло и десяти минут, как отца вывели под руки и усадили в машину. Он обернулся, но её не заметил.

А потом была больница. Белые стены, запах хлорки, чужие лица и тёплая ладонь санитарки бабы Насти, положенная на плечо:

— Не бойся, детка. Здесь побудете, так лучше...

Глава 6. Предсказания цыганки

Больничная палата казалась тёплой после холодного подъезда. В углу стояли две кровати, и на одной уже кто-то лежал, свернувшись калачиком. Яна от бессилия быстро уснула.

Когда проснулась, то не сразу поняла, где находится. Пахло лекарствами, было тихо, только где-то за окном скулило дерево на ветру. Она приподнялась: рядом, на соседней койке, сидела Маринка.

— Маринка!

— Яночка! Ты проснулась! — сестра кинулась к ней и обняла.

Оказалось, Маринку и плачущего навзрыд Кольку, шагающих по дороге, встретил случайный прохожий. Расспросив, где их родители, и не получив внятного ответа, он привёл детей в отделение скорой помощи. Оттуда их отправили в детский стационар до выяснения обстоятельств.

— А мама? — прошептала с надеждой Яна.

Маринка вздохнула.

— Я хотела её найти, но ты так крепко спала... Я решила: попробую открыть окно, вытащу на улицу Кольку, и пока ты спишь, мы найдём маму с папой. Окно, как назло разбилось, еле выбрались, но ничего, теперь мы вместе, а где родители, я не знаю.

Яна прижалась к сестре. Слёзы снова подступили, но теперь не от страха, а от облегчения: «Мы вместе. Но где же мама?»

Дети провели в больнице три дня. Конечно, они постоянно задавали единственный мучающий вопрос: когда их заберёт мама? Но сёстры на посту и сами толком ничего не знали. Они просто отмахивались фразой: «Надолго вас тут не задержат».

Всем троим провели общий осмотр у доктора Аллы Сергеевны: строгой, в больших квадратных очках, женщины средних лет, в высоком, как у повара, белоснежном колпаке. У всех троих обнаружили вшей, и санитарка баба Настя тщательно намылила головы ребят вонючим дустовым мылом, плотно замотала белыми платочками и отправила в игровую. Ребятам эта бабушка была знакома. Она жила в соседнем бараке вдвоём с мужем: ни детей, ни внуков у них не было. Мать Татьяна бегала к цыганке Насте, как она её называла, занять денег до получки, приговаривая, что та никогда не отказывает.

Яна, сидя в очереди на обработку головы, случайно услышала разговор медсестры на посту по телефону. От стыда лицу стало жарко.

— Да вот, Трифоновы у нас вторые сутки обитают. Мамашку разыскивает участковый. Вообще, люди совесть потеряли — у детей полная голова насекомых, подходить противно.

Разговор внезапно прервался, медсестру строго позвала к себе в кабинет всё та же доктор. В это время дверь ванной комнаты распахнулась, вышла Маринка с братом и махнула ей рукой:

— Теперь твоя очередь.

Яна направилась в комнату, понуро склонив голову.

— Ну что, мученица моя? — ласково обратилась к ней санитарка. — Обидел тебя отец? Ты прости его.

На девочку участливо смотрели чёрные, как влажные ягоды смородины, глаза. Крупные серьги-кольца подрагивали в такт её словам.

— Ну-ну, не грусти. Сейчас вымоем твою головушку, будет чистая. Телом вы крепкие все, не хворые. А мама придёт! Обязательно придёт! И отец у вас хороший, только пить ему нельзя. Да и кому эта гадость полезна — никому! — приговаривала санитарка, поливая из ковшика тёплую воду на голову ребенку.

Девочка ощущала спокойные и ласковые движения рук. Она крепко зажмурила глаза: запах хлорки и дустового мыла забил нос, и ей поскорее захотелось выскочить в коридор.

Баба Настя, худощавая и невысокая, слегка наклонилась к девчушке, глядя в глаза. На миг перестала вытирать полотенцем голову и медленно, оглядываясь на входную дверь, произнесла:

— Помни, моя деточка, есть у тебя ангел-хранитель! И чтобы ни случилось с тобой, будешь ты спасена всегда! Потому как нужна ты своей семье и роду вашему! Молиться будешь обо всех: мёртвых и живых! Так-то.

Она наскоро замотала белый платок на голове и, теперь уже глядя поверх младшей Трифоновой, добавила:

— А забудешь, что я говорила, сама жизнь напомним. Ну, иди, иди с Богом, — добавила она ласково и тут же отвернулась к своим тазикам и вёдрам.

На следующий день под окном игровой появилась мама Трифоновых — Татьяна.

Все трое шумно закричали:

— Мама! Мама пришла!

Колька от радости запрыгал на месте, а машинку, с которой игрался, с силой запустил в угол. Маринка побежала на пост сообщить медсестре. Яна, не веря происходящему, стояла у окна и негромко повторяла:

— Мамочка! Мама! — Затем взяла брата за руку. — Пойдём, нас теперь отпустят домой!

Татьяна прятала взгляд от детей. Неловко прижимая к себе каждого, спросила:

— Вы первые зайдите в дом. Отца выпустили, но не знаю, может, он и пьяный.

Маринка побежала на разведку. Яна с братишкой прижимались к маме, понимая ее настороженность: ещё неизвестно, в каком состоянии отец.

Глава семейства встретил всех молча, а на Татьяну и не взглянул. Только подошёл к Яне, присел перед ней на корточки, виновато обронил:

— Ты уж прости меня, дочка, не знаю, что нашло тогда.

Девочка посмотрела на отца умоляюще:

— Папа, пожалуйста, вы только не пейте больше эту гадость!

Она жалела отца и не знала, что ещё сказать. А тот уже обратился к Маринке:

— Сбегай, покорми Найду. Я вот тут приготовил ей баланду.

В доме казалось мрачно после белых стен и тепла больницы. В квартире пахло невымытыми полами, прокуренными насквозь занавесками и вещами. Под столом стояли пустые бутылки — «бомбы», так они назывались. Старый стол для готовки был завален грязной посудой. Маринка вышла на улицу, осторожно держа в руках алюминиевую миску с едой для собаки.

Колька топтался на месте, но, видя, что опасность миновала, папа трезв, а надзора, как в больнице, нет, умчался гулять во двор. Татьяна засуетилась по хозяйству.

Яна, надев пальто с уже короткими её рукавами, побежала в лес к своей любимой сосне. Ей захотелось уединиться, чтобы обдумать слова цыганки и решить, можно ли рассказать об этом маме. Не засмеёт ли она её?

Стоял август. В воздухе витал запах спелой брусники. Девочка срывала терпкую, рубиновую ягоду и жадно ела. Язык слегка пощипывало. Вкус у брусники сладкий, немного с горчинкой. Она растёт гроздьями на невысоких, тёмно-зелёных кустиках, её листья не меняют цвет круглый год.

Солнце пряталось за плотными, дождевыми облаками, а когда показывалось, Яна подставляла бледное лицо лучам и приятно жмурилась. Она бродила между деревьев, напевая песенку из мультфильма «Бременские музыканты».

— Ничего на свете лучше нету, чем бродить с друзьями по белу свету...

Вот и её сосна.

— Ну, привет, — Яна обняла шершавый ствол дерева, прильнула щекой.

— У нас все дома. Мама с папой трезвые, но я так боюсь, что они опять будут пить.

«Лучше об этом не думать», — решила девочка.

Рядом с деревом стояла короткая лесенка. Кто-то из ребят пристроил её, чтобы забираться на сосну. Яна ловко вскарабкалась по веткам и устроилась на самом толстом суку. Сосна стояла на возвышенности, с неё хорошо проглядывалась местность вокруг. Невдалеке виднелось совхозное поле, засеянное горохом. В противоположной стороне макушки деревьев устремились в небо, там находилась ламбина¹ и железная дорога.

Ветер нежно шуршал в иголках сосновых лапок. Яна крепко обхватила ствол одной рукой, а другой цепко держалась за ветку, на которой сидела.

— Как думаешь, сосна, кто такой ангел-хранитель? Я его смогу увидеть и подружиться? А маме можно рассказать о словах бабушки Насти-цыганки? Она наказала никому не говорить. Да и домашние засмеют меня. Вот если бы Маринка рассказала, ей бы поверили.

Руки замёрзли, и Яна стала спускаться. Тут она глянула на широкую канаву, что находилась чуть поодаль от сосны. Тёмная вода доходила до краёв, постепенно зарастающих ельником. Они с друзьями никогда не пытались перепрыгнуть её, даже на спор.

Вдруг на берегу канавы Яна увидела белоснежную птицу с прямой, грациозной шеей и жёлтым клювом с чёрным кончиком. Птица наблюдала за девочкой, а та застыла на месте:

— Какая ты красивая! Я никогда ещё не видела такой большой птицы! — немного испугавшись и разглядывая её с любопытством, еле слышно произнесла девочка.

В этот момент птица взмахнула мощными крыльями и с протяжным, ободряющим криком, полетела, устремляясь ввысь.

¹ Ламбина - небольшое лесное озеро в глубине лесов или среди болот. Официального названия ламбина не имеет.

Завороженно провожая её взглядом, и слегка взбудораженная встречей, Яна помчалась домой.

Всё вроде в семье Трифоновых налаживалось. Неделью, а может, и больше дети не видели родителей пьяными. Отец работал на стройке водителем самосвала. Теперь, как многодетного, его «поставили на очередь» для получения благоустроенной квартиры.

Татьяна часто меняла место работы. Младший, Колька, детский сад не посещал, и работать она могла только в полсмены. В этот раз её приняли посудомойкой в больницу. Не заступись тогда за Татьяну всё та же строгая докторша, она и эту работу могла бы потерять.

Место на кухне позволяло троих детишек подкармливать. Дорогу они выучили и под присмотром старшей Марины прибегали втроём в обеденное время в больницу, где им доставалась тарелка щей и стакан компота.

Жалели кругом Татьяну, да и сама она могла разжалобить любого, кроме пьяного мужа. Вот только последний случай, когда дети оказались в больнице, не остался без внимания органов опеки. Была создана комиссия по двум многодетным семьям. Хотели лишить родителей законных прав. За Трифоновых, вернее, за непутёвую мать, вступилась всё та же доктор Алла Сергеевна. Да и сами Татьяна с Костей по очереди оправдывались, обещали впредь не допускать вольностей в семье. Стыдно было обоим, да и напугались они основательно. «Вот те на...» — думал Костя, — «приплыли, ещё и детей отберут!»

В качестве материальной помощи органы опеки предложили родителям отправить детей учиться в интернат. Но так как младшему только исполнилось четыре года, предложение отклонили. Чета Трифоновых выслушала строгое устное взыскание и предупреждение, что в следующий раз дело отправят в суд.

Дети о ситуации не знали, только старшая Люба из обрывков разговоров матери и отца всё поняла. Ей строго-настрого запретили ночёвки у подруг, вспомнив про её нерадивую учёбу. И жизнь в семье потекла дальше в попытках вырваться из порочного круга бытия.

Глава 7. Щенки

Обычный день. Солнечное летнее июльское утро. Яна проснулась, умыла глазёнки под умывальником и побежала к отцу.

— Папа, так всё же мы утопим щенят? — спросила она в надежде услышать: «Нет».

— Да, — как обычно, твёрдо, не терпя возражений, сказал отец.

Яну мучили два чувства: страх и жалость к дворняжке Найде. У Найды одно ухо всегда было опущено вниз, но стоило ей услышать свою кличку, как собака бежала, а опущенное ухо поднималось. Весь её вид будто спрашивал: «Ты мне дашь чего-нибудь из еды?»

Глаза с рыжими треугольниками сверху смотрели преданно и заискивающе. Поскуливая от голода, Найда тыкалась влажным носом в ладошки ребёнка. Сколько раз своим теплом собака согревала девочку, когда им приходилось ночевать в сарае из-за буйства отца!

Взяли её в семью, скорее, для Маринки. Сестра Яны зудела отцу: «Можно ли мне взять щеночка?» У одной из подруг оценилась такая же беспородная дворняга. Отец неизменно отвечал: «Самим есть нечего, а тут ещё один нахлебник». Но Маринка была упрямой, и в один прекрасный день прибежала с гулянки со щенком. Так и осталась Найда жить в семье. Зимой ночевала в сарае, а когда становилось теплее — в будке. Летом и осенью собаку брали в лес.

И вот через несколько месяцев Найда оценилась. Шесть слепых тёмных комочков с удовольствием, причмокивая, сосали мать. Дети по очереди бегали посмотреть на щенков.

Вечером Яна услышала, как отец сказал, что завтра утопит щенят, и напросилась пойти с ним. Зачем, сама не понимала. Сначала попыталась встать на защиту: можно же раздать соседям. Но отец матюгнулся: «Нечего рассуждать, у всех соседей по псине».

Яна долго не могла уснуть в ту ночь, приставала к Маринке:

— Ну как же тебе не жалко? Ведь они захлебнутся и умрут!

Маринка больно стукнула сестру по руке и прошипела:

— Спи!

...И вот Яна понуро шла за отцом. Щенки жалобно поскуливали в вещмешке. Ламбушка находилась недалеко, в километре от дома.

Яна шла молча, лишь сердце сжималось при мысли об их участи. Представляла, как они, бедненькие, нахлебаются воды, а мешок завязан, выплыть не смогут.

Девочка видела, как отец с размаху закинул мешок в тёмную воду ламбины, и отчётливо услышала отчаянный писк щенков. Минута — и тишина. Только шелест осин да крик вороны раздался в лесу.

Яна резко отвернулась и побежала. Вокруг ламбины было болотисто, ноги проваливались в мох по щиколотку. Запнулась, упала и разрыдалась.

— Ну что ты всё плачешь и плачешь? По любому поводу! — догнав дочь, раздражённо проговорил отец и поставил её на ноги. — Ну вот, теперь ещё и мокрая вся!

Отец шёл впереди и молчал. Яна плелась позади, мучаясь угрызениями совести и жалостью к щенкам.

«Так просто, — рассуждала девочка, — взяли и утопили...» Хотела поговорить с отцом, но заранее знала: он только рассердится. Яна молчала. Ей проще было корить себя: «Вот зачем я пошла смотреть? Значит, и я участвовала в этом?» Весь оставшийся день она ходила грустная.

Барак Трифоновых стоял торцом к длинному сараю. Выйдешь за него, и сразу лес. Здесь Яна играла в войнушку с ребятами, но порой убегала, чтобы побыть одной. У девочки было место, где она могла уединиться: всё та же сосна, на которую она легко забиралась по крепким, толстым сучьям.

Вот и сейчас Яна появилась у своей молчаливой подруги, в знак приветствия колышащей малахитовой кроной. При помощи лесенки забралась на привычное место.

— Бедные, бедные щеночки... — шептала Яна, крепко обняв сосну. Ни о чём другом думать она не могла.

Неожиданно услышала, как кто-то тявкнул.

— Найда! — всё так же цепко держась за сучья, девочка ловко спустилась вниз. — Найда!

Она обняла собаку за шею, а та стала облизывать её шершавым языком, смахивая слезинки.

— Прости нас... — глядя в глаза собаке, повторяла Яна.

Собака поскуливала, пару раз гавкнула, но, услышав команду: «Бегом, Найда!», вскочила и помчалась, вырвавшись вперёд. Девчушка бросилась вслед за дворнягой. Выскочив из-за сарая, столкнулась с сестрой. Марина громко приказала:

— Найда, сидеть! — она держала над ней кусок хлеба.

Сестру, старше её на два года, Яна почитала и боялась. Да и характерами они отличались. Маринка смело решалась на любые авантюры, лупила непослушных детей во дворе, а те её побаивались.

Прищуренный взгляд, густые льняные волосы, туго заплетенные в косички, поджатые губы и резкие движения. Маринка всегда была резвая и бойкая. Она редко плакала, добивалась своего у родителей и пыталась воспитывать младших брата и сестру личным примером.

Подруги у сестёр появились разные, под стать характерам. У Яны — спокойная, интеллигентная Ольга и милая, разговорчивая Соня. У Марины — девчонки на три года старше, такие же шустрые и ничего не боящиеся.

Яне не всегда нравилось, когда Марина оказывалась в компании её подруг. Стыдилась разбойницу-сестру, видела, что её побаиваются. Сама же Яна очень хотела хоть немного быть

похожей на Маринку: стать смелой и не бояться постоять за себя. Но ударить по лицу, заведомо зная, что тебе не ответят, она не могла. Ведь тому человеку будет больно и обидно.

Её большие светло-зелёные глаза на бледном, чуть удлинённом лице смотрели внимательно и изучающе. В такие моменты Маринка бросала:

— Чего смотришь?!

Яна опускала виновато взгляд.

Когда кто-то смешил, она пыталась спрятать улыбку: передние зубы росли неправильно, буквой «л», и эту щёлку Яна стеснялась показывать, поэтому, когда смеялась, то отворачивалась.

Русые волнистые волосы девочке всегда укорачивали в стрижку «под Гавроша». Когда чёлка отрастала и мешала, старшая сестра брала ножницы и подстригала до середины лба. Тогда кто-нибудь из домашних замечал:

— Какая ты, Яна, красивая стала! У тебя глаза, как у Алёнушки из сказки.

Малышка смущалась, а в голове крутилась одна мысль: «Это Марина красивая, а не я. Вот и папа её любит больше».

Глава 8. Злополучная ламбина.

На днях выяснилось, что Маринка случайно встретила одну из подруг Яны. Девочка бежала по теплотрассе, расположенной за зданием детского сада. Здесь сусовские дети сокращали дорогу от дома до магазина. Довольная Маринка стояла на пути и с ехидцей приговаривала:

— Вот ты и попалась! Значит, не захотела меня принять в вашу игру? Резкие пощёчины обожгли нежные щеки Ольги. Ей пришлось повернуть назад и бежать домой. Примчалась в рыданиях и слезах. Мама, Зинаида Петровна, пошла разбираться к родителям Трифоновых, которых в этот день и дома не оказалось, поэтому Маринке очередная расправа сошла с рук.

Мама Оли работала медсестрой в детском саду. Замуж вышла по любви, всё честь по чести, но вот не сложилось с мужем, развелись. Оля — её единственный, долгожданный ребёнок. Из местной детворы она сдружилась с девочкой Яной, своей ровесницей. Правда, она была из неблагополучной семьи, и мама предупреждала Олю:

— Смотри, чтобы эта девочка тебя не научила плохому.

Оля рассказывала в ответ про игры с Яной, про походы в лес и добавляла:

— Она добрая, мам. Представляешь, Яна предложила нам с ребятами ухаживать и прибирать от мусора лес. И вообще, мне её жалко.

— Ну, тогда обходи стороной её сестру.

В этот день Оля увидела в окно, что к ней идет Яна, обрадовалась и побежала встречать. Мама пригласила девочку к столу пообедать с ними. На кухне пахло растопленным маслом и блинами. Девочка проглотила слюну и присела на край стула. Зинаида Петровна поставила две тарелки с ароматным супом.

— Приятного аппетита! Кушайте, не торопитесь!

Мама подруги, видя, как девочка смущается, отошла в комнату. Яна вылавливала ложкой кусочки мелко нарезанного мяса и кружки ярко-оранжевой моркови. Всё было очень вкусно. Самой Яне нравилось бывать у Оли. Она часто замечала то, что для её подруги было привычным.

В большой комнате на жёлто-коричневых полах, от солнца, сквозь белоснежные тюлевые занавески, отражались лучи света и ещё больше подчеркивали чистоту полов. Кругом царил порядок. В углу у окна находился полированный письменный стол, и тоже без единой пылинки. Над столом висели полки с книгами, стояли цветные карандаши в пластмассовом стакане. Красивые куклы рядком сидели на двух детских стульях напротив стола. Большой шкаф для

одежды и детский диванчик расположились у другой стены. «Как-то всё иначе здесь, — думала Яна, — тепло, и даже уходить не хочется».

А у них серо и тоскливо в доме. Полы со стёртой краской, щели зимой пропускают холод от земли. Сколько не старались сёстры прибираться в квартире, такого уюта не было. «Даже пахнет здесь приятно, а у нас запах, как в сарае».

Яна замечала, что и её внешний вид отличался от подружки. Мельком глянула на застиранный ситцевый халат с уже непонятным рисунком. Вещи донашивались после Маринки, или их отдавали от других детей. Однажды сёстры стояли в магазине, и Яна услышала фразу: «ходят в обносках». Это судачили взрослые. Ребятя из семей, где родители злоупотребляли спиртным, выглядела ничем не лучше. Девочка это видела и понимала, но каждый раз, приходя к Оле, невольно сравнивала быт их семей. Ей становилось грустно.

Наскоро пообедав супом и чаем с блинами, Яна с Олей побежали гулять. На пустыре перед домом Трифоновых их уже ждали остальные девочки, младшие по возрасту. Подружки в этом году собирались идти в первый класс. Конечно, среди других девочек они ощущали себя взрослыми.

В тот день дети всей гурьбой направились очищать лес от мусора. Идею придумала Яна, а Оля поддержала со словами:

— Мы будем доброе дело выполнять.

Остальные принялись помогать старшим девчонкам, ещё бы, они хоть и малыши, а уже участвуют в важном деле — сохранении природы! Вот и сегодня ребятя направились за длинный сарай к тропинке в знакомый лес. Они договорились далеко не уходить, перекликаться друг с другом и носить мусор в одну кучу.

Заканчивалось беззаботное лето. В лесу ощущался запах прелой листвы, мокрого мха, ягод и сыроежек. Эти грибы съедобными не считали, поэтому дети их не собирали. А вот ягодами лакомились: соберут в пригоршню насыщенной алой брусники и в рот. Вкуснота! Наевшись черники с голубикой, показывали друг другу язык — у кого синее.

— А давайте сходим на ламбину! — предложила ни с того ни с сего Яна.

И добавила тише:

— Мой папа там щенят утопил.

— Как утопил? — уставилась на неё самая бойкая из всех, смуглая Инна Карпенко. — И тебе не жалко? А вдруг они выжили? — глаза Инны загорелись. — Давайте, давайте сходим! Правда, мне нельзя далеко от дома уходить гулять, но мы посмотрим и назад. Да, Яна?

Оля тоже посмотрела на подружку немного недоверчиво.

— А это очень далеко?

— Нет, — помотала головой Яна, — всё время идти прямо по тропинке до полей, а там за лесочком ламбушка.

Двинулись гуськом по узкой дорожке, через которую проползали корни деревьев, стараясь не спотыкаться о них. На ветках берёзы затрещала сорока, ей вторила карканьем ворона. Солнце светило щедро, и девочки, весело балагурия, шагали вперёд. Яна шла первой, важно рассуждая:

— Мне очень жалко щенков, но папу было не уговорить. Не захотел их раздать соседям.

— А мне мама рассказывала, —插入了 Оля, — что в Ленинграде всех бездомных животных люди отдают в специальный приют, куда приходят желающие завести себе кошку или собаку.

— Здорово! Вот бы у нас в посёлке такой приют открыли! Я бы сразу всех щенков туда отнесла, — ответила Яна и замолчала.

Потом указала рукой вперед:

— Вот поле перейдём, и за берёзками — ламбина. Только аккуратней, там болото.

Тогда одна из девочек, держа за руку пятилетнюю сестрёнку, остановилась и произнесла:

— Мы вас тут подождём.

С ними остались ещё две малышки. Остальные трое смелых двинулись дальше.

Наконец ребята пришли к небольшому круглому озерцу между сосновым лесом и болотом. Солнце спряталось за собравшимися серыми тучами, подул ветер. Листья осин, тронутые оранжевым и красным цветом, зашелестели, будто спрашивая друг друга: «Кто это к ним пожаловал?» На тёмной воде при каждом дуновении шевелилась рябь. От болота исходили испарения, смешанные с запахом багульника. Спелая клюква кое-где краснела на кочках.

Осторожно ступая, оглядываясь по сторонам, Яна подошла к краю ламбины. Ей вдруг, непонятно, почему, стало страшно. Она стояла на самых крайних кочках, пошатываясь и пытаясь сохранять равновесие. Оглядела водное пространство и опять задумалась о щенках. Тут её окликнула Инна Карпенко. Яна резко обернулась, не удержалась и плюхнулась в ламбину. Хотела встать на ноги, но поняла, что проваливается во что-то вязкое, и это вязкое засасывает её вниз. От ужаса и внезапно появившейся мысли: «Вот и я утону, как щенки!» — у неё округлились глаза, а руки судорожно искали, за что уцепиться. Яна схватилась за траву и попыталась подтянуть себя, но тщетно.

Ольга в первую минуту растерялась, встала, как вкопанная, а, услышав неуверенное:

— Оля, я не могу выбраться... — тут же громко закричала: — Помогите! Помогите, кто-нибудь!

Кричала она пискляво и неубедительно. Инка Карпенко и другие девочки испугались и кинулись бежать назад через поле. Яна от страха совсем растерялась. Снова и снова пыталась ухватиться за траву и выбраться на берег, но сил уже не было.

Тут Ольга увидела мужчину и завопила:

— Дяденька, помогите! Тонет она! Тонет!

Человек бежал с другой стороны ламбины, ловко перескакивая по кочкам. В этом ему помогала берёзовая палка. Он быстро протянул её в руки плачущей навзрыд девчужке. Яна ухватилась за палку и медленно поползла из трясины.

Мужчина сердито проворчал:

— Как вас сюда занесло? И куда смотрят ваши родители?

Он схватил Яну за ворот курточки и вытащил на берег. Девочку трясло, началась истерика. Всхлипывая, Яна путано объясняла, что в ламбине утоплены щенки, и она надеялась, что они выплыли и бегают в лесу.

Мужчина замолчал, потом поднял Яну на ноги и стал заботливо отряхивать болотную грязь с её ног, повторяя:

— Всё понятно. Да, жалко собачек, лучше, чтобы все жили. При желании их, конечно, можно было пристроить. Просто запомни это на будущее, а сделанного уже не исправишь. Бегите домой, вам явно достанется от родителей.

На Яну смотрели добрые, лучистые глаза. Из-за бороды и усов ей был непонятен возраст её спасителя.

— Да, — добавил он. — Мои дети тоже вот носятся в деревне. Надеюсь, что без приключений. Ну, шагайте назад, а я понаблюдаю, чтобы не сбились с тропинки.

Яна, тяжело передвигая мокрые ноги, двинулась вперёд. За ней шла испуганная Ольга, едва слышно повторяя:

— Что мне будет дома?!

Ангел кружил высоко в небе. Внизу виднелись три точки. Успел.

Девочка была напугана случаем на ламбине. Мать Татьяна отреагировала спокойно:

— Ничего. Жива, здорова. Значит, счастливой будешь, коли спасли.

Но изредка после этого случая, ласково обращалась к дочери:

— Жадобная моя...

Спасителя так никто и не видел, и толком не знали, кто он. Ягодник, грибник и всё тут.

Подружкам досталось от родителей: кому-то запретили выходить на улицу сутки, кому-то велели не гулять с Трифионовой, «а то заведёт невесть куда».

Когда Яна через пару дней пошла к Ольге, в коридоре столкнулась нос к носу с бабой Настей, цыганкой, поздоровалась.

— А, девонька моя, страданица! — ласково обратилась к ней соседка Ольги. — Ну что? Живёхонька? Я говорила тебе: ангел есть у тебя. Охраняет он и бережёт!

Она негромко, но ясно и отчётливо произносила каждое слово. Яна от смущения сунула руки в карманы пальто и теребила там пустые фантики от конфет. В коридоре горела тусклая лампочка, лицо цыганки освещалось смутно. Она положила руку на плечо девочки и добавила, понижая голос почти до шёпота:

— Запомни слова, и когда будет страшно тебе, повторяй: **«Ангел мой, будь со мной! Ты впереди, я за тобой!»**

Опять Яна видела круглые серьги в ушах, лицо в глубоких морщинах и добрые, ласковые глаза. Баба Настя, жалея, погладила девчущку по голове и уже громче произнесла:

— Ну, иди, иди к подруженьке своей. Только слова запомни, хорошо, милая?

Яна мотнула головой в знак согласия и постучалась в дверь к Ольге, тут же про себя повторяя: **«Ангел мой, будь со мной! Ты впереди, я за тобой!»**

Глава 9. Сёстры-школьницы.

Мама частенько приговаривала Яне:

— Вот, смотри: будешь такой тихоней, одни тройки, как Любка, получать в школе станешь.

Старшая сестра Люба учиться не любила и никогда не старалась. Тянула на тройки, часто прогуливала школу, ночевала поочерёдно у двух подруг, а, возвращаясь домой, на замечания Татьяны грубила и повторяла: «Скоро уеду, вот восьмой класс закончу».

Три сестры шли в школу в этом году: Яна в первый, Маринка в третий, а Люба в восьмой класс. Тот год ознаменовался мировым событием — Олимпиадой в Москве. Песня про мишку звучала по радио множество раз. Яна даже выучила пару куплетов и распевала их с девочками во дворе.

Она уже научилась читать по слогам. В семье не замечали, как Яна, прибежав из библиотеки, усаживалась на порог, разделяющий кухню и комнату, открывала книжку с русскими сказками и читала. Пальчик двигался медленно по крупным чёрным буквам, а девочка в этот момент представляла себя на месте Маши с медведями или сестрицы Алёнушки. Братцем она тогда представляла Кольку. Её большие глаза сужались, когда не удавалось одолеть слог с забытой буквой. Нос клубничкой сопел, и, не вспомнив букву, Яна быстро вскакивала, бежала в дальнюю комнату. Там, среди нескольких игрушек, на полке стопкой стояли немногочисленные книги. Лежала и старая азбука — подарок Веры Васильевны со словами:

— Я уверена, Яночка, ты очень скоро научишься читать. Откроешь для себя сказочный мир.

Девочка находила нужную букву и снова возвращалась к чтению. А когда уставала, отправлялась к подруге Оле, своей ровеснице. Через неделю они с ней будут именоваться первоклассниками. Правда, у Яны ещё не было школьной формы, только белый фартук от сестры достался.

— Пойдёшь вот в этом платье, — Татьяна вынула из авоськи сине-голубое платье с белым воротником и отрезным подолом в сборку из плотной ткани. Она только что вернулась с работы.

— Красивое! — Яна подошла и пощупала ткань.

— Мама-а-а! Но тут же кот! Это не школьное, а обычное платье. В таком разве ходят в школу?! — девочка держала платье за рукава и разглядывала аппликацию белого, улыбающегося кота, чьи задние лапы плавно переходили в туловище.

— А где передние две лапы? — Яна не унималась.

Мама взорвалась:

— Где я денег возьму тебе на новое? Где?! — Татьяна выхватила платье у дочки и швырнула в комнату на стол. — У отца получка только через две недели.

Она раздражённо смотрела на дочку, а та, опутив глаза, подумала: «Лучше молчать». Вышла Маринка из комнаты, окинула платье взглядом и, смеясь, бросила:

— За фартуком кота твоего и не видно будет.

Она деловито взяла сине-голубой предмет одежды, отнесла в шкаф, повесила на деревянные плечики и сверху накинула белый фартук. Повертела перед носом Яны:

— Вот видишь! И не видно твоего кота. Зато самой красивой будешь. Оно же голубого цвета, а не коричневого, как у всех. Балда!

— А почему я пойду, не как все, одета? — младшая сестра упорно стояла на своём. — Я хочу, как все.

Слёзы появились в больших глазах девочки. Она с надеждой смотрела на Маринку, может, та что-нибудь придумает.

— Ну, хватит, нытик, — Маринка обняла сестру. — Пойдём на улицу. Соберём ребятню в «казаки-разбойники» играть.

После улицы все переживания забылись. Скорее умыться, что-нибудь съесть и спать, спать...

Наступил долгожданный день. Яна пошла в первый класс! Она всё лето жила в ожидании. Иногда, вспомнив злополучный день на ламбине, вздрагивала от мысли, что могла утонуть и не попасть в школу. А ей туда очень хотелось, даже читать научилась. Она прочла все русские народные сказки, произведения Корнея Чуковского и Агнии Барто. Но любимой у неё был «Цветик-семицветик» Валентина Катаева. Девочка мечтала: вот бы ей иметь такой цветочек! Раздумывала, что бы загадала тогда. В первую очередь, чтобы мама с папой не пили водку и вино совсем. Она представляла, какая жизнь начнется в семье. Родители вместо водки будут покупать лимонад «Буратино» или «Тархун». Квартира вдруг засветится от чистоты, тараканы исчезнут, и никогда не придется вызывать милицию, чтобы утихомирить отца.

Яна шагала к автобусной остановке вместе с Маринкой. С утра было зябко, а воздух свежий. Девочка немного поёжилась в темно-розовом пальто в рубчик, которое ей очень нравилось. На днях одна из соседок принесла его вместе с другой одеждой. Она обрадовалась отданным вещам, как новым, купленным в магазине, кроме платья, конечно. Но, может, и правда, как сказала Маринка, это хорошо, когда у тебя не всё одинаковое, как у других?

Из сусовских бараков выходил то один, то другой нарядный школьник. Цветы и улыбки родителей сопровождали детей. Но не всех. Яна важно шла рядом с сестрой, а её коричневые, новые туфли с простроченной подошвой и дырочками впереди в форме цветка, чуть поскрипывали. Это была единственная новая вещь из магазина. Короткая чёлка в стрижке открывала внимательный, чуть напряжённый взгляд первоклашки. От любопытства она крутила головой налево и направо, разглядывая детей. Белые банты мелькали то тут, то там. У Маринки волосы были заплетены в косички с белыми лентами, купленными в магазине метражом. Сестра настаивала, чтобы взяли хотя бы самые дешёвые.

Яна улыбалась, ее переполняли гордость и радость. Мысли приятно волновали: «Что там будет? Какая учительница? А одноклассники? Со всеми ли она подружится?»

С платьем она смирилась, белый фартук прикрывал ненужную аппликацию, но вот портфель немного смущал. Все первоклашки шли с новенькими ранцами: у кого синие с двумя застёжками и картинкой крокодила Гены с Чебурашкой, у кого — с одной застёжкой и рисун-

ком цветных букв «Азбука». Все портфели были яркие, новенькие, а у Яны в руках оказался поношенный, большой, коричневый портфель без лямок. Достался от старшего брата. Да еще и чёрная ручка на нём была приделана неродная.

На торжественной линейке прозвучал гимн Советскому Союзу. Поочерёдно выступали педагоги и директор школы, пожилая строгая дама с командным голосом. Читали стихи первоклассники. Волнительный момент передался и девочке. Она ощущала гордость за себя и стояла среди букетов с гладиолусами, счастливая и довольная. В конце праздничной линейки прозвучал первый звонок. В золотой колокольчик звонила девочка с большими белыми бантами на голове, которая сидела на плече старшеклассника. Затем первоклассники подарили цветы учителям. У Яны букета не оказалось, как и ещё у одной худенькой девочки.

В классе Яна с любопытством разглядывала одноклассников, а они, по-видимому, её. Один мальчик, ткнув в Янин портфель, рассмеялся:

— А это что? Ха-ха-ха! Ты откуда его выкопала? Посмотрите, какой у неё старинный портфель!

Яна смущенно молчала. Даже застыла на месте. Глядела то на мальчишку, то на свой портфель. Он не унимался, продолжал тыкать пальцем и дразниться. Нужно ответить, а что ей отвечать? Мальчик одет с иголочки и явно никого не боится. В их сторону повернулись ещё двое учеников и тоже рассмеялись. Спасла ситуацию Соня. При распределении подруги вместе попали в первый «Б» класс.

— Яна! Привет! Мы в одном классе будем учиться! Здорово!

Соня, как всегда, с задором встретила подругу и отвлекла внимание от портфеля, чему поникшая Яна очень обрадовалась.

Тягостное напряжение отпустило, она разжала вдавленные в ладони ногти и шагнула навстречу к Соне. Но тут прозвенел залихватистый, весело дребезжащий звонок.

Начался урок мира. Ирина Алексеевна обращалась к ребятам ласково и немного строго. Наверное, знала, с кем придётся работать три года. Яна весь урок разглядывала высокую причёску учительницы, дав ей название «башня». Как бы Ирина Алексеевна ни наклоняла голову, фигурные букли оставались на месте. В какой-то момент она встретила взглядом с учителем, та улыбнулась, и ученица смущённо отвела взгляд. Так прошёл первый день в школе для Трифоновой Яны.

В свои десять лет Марина испытывала заботливые, почти материнские чувства к сестре. Поэтому сейчас волновалась за неё. Она по себе знала: в классе могут высмеять, и надо научиться давать отпор, особенно мальчишкам. А Яна не сможет — слезливая и тихоня. «Ничего, пусть только попробуют обидеть!» — решительно думала Маринка, сжав губы.

Ей самой тоже приходилось непросто. В основном, дразнили мальчишки. Один рыжий Васька Баранов чего стоил! Поворачиваясь к Маринке, он язвительно замечал:

— Трифонова, ты сусовская, а там одни алкаши живут!

И нагло смеялся, наблюдая за её реакцией.

Маринка смело отвечала:

— Заткнись, рыжий!

Однажды она со всей силы ткнула ему ручкой в ладонь. Васька аж подскочил от боли. Хотел ударить Марину, но вмешалась строгая учительница. Наказала обоих: стояли у парты смирно десять минут в начале урока. После этого случая Баранов уже задибался с опаской. С девочками Марина дружила, но не со всеми. Не каждой нравился её командирский тон.

Учёба давалась легко, но Марина немного ленилась. Да и замечала, что Евгении Викторовне она не нравится. А вот к детям из благополучных семей учительница относилась иначе — внимательнее.

Возвращались домой сёстры в приподнятом настроении. Яна рассказала о насмешках одноклассника.

— Никогда не показывай виду, что ты обиделась, ещё больше смеяться будут, поняла?
— Маринка наставляла сестру, как взрослая.

«Легко ей говорить, она смелая», — грустно думала Яна. Но, взглянув на синее небо в фигурных белых облаках, зажмурилась от лучей сентябрьского солнца, а от мысли «я теперь школьница» повеселела. Подпрыгивая и размахивая почти пустым, огромным портфелем, с задором оглядываясь на сестру, выпалила:

— Догоняй, Маринка!

Глава 10. Будни радостей и печалей

Золотая осень неторопливо шагала по карельской земле, направо и налево раскидывая янтарно-красную листву, заботливо покрывая землю цветным ковром. Воздух, холодный по утрам, был выткан из лучей солнца и паутины.

Весь сентябрь Яна с радостью бежала в школу: там было для неё всё новое и доселе незнакомое. За партой сидела тихо, внимательно слушая Ирину Алексеевну.

Учительница жила в том же районе, в Су. Семью Трифоновых знала и удивилась: оказывается, её ученица читает и посещает библиотеку. Для многодетных семей, где родители не совсем ответственные, это было скорее исключение.

Класс ей достался тот ещё: сообразительных детей было мало, а вот тугодумов — почти половина. Но и не с такими приходилось сталкиваться Ирине Алексеевне, поэтому она не робела. Учительский опыт имелся, желание работать не иссякало. Педагог знала, что научит писать и читать каждого, а кому надо — поправит дисциплину.

Сегодня после четвёртого урока Ирина Алексеевна наградила бумажными медалями самых старательных учеников месяца.

Яна спустилась на первый этаж школы и остановилась перед зеркалом гардероба. Мимо толкались ученики, торопились домой. Она взглянула на своё отражение с медалью. «А я красивая!» — с удивлением подумала девчушка. Ей понравились зелёные глаза, которые смотрели задумчиво и открыто.

Взгляд упал на медаль. «Интересно... Оказывается, это волнительно и приятно, когда тебя хвалят. Но как будто не меня, это не я...», — Яна запуталась в мыслях и пошла за пальто.

Домой возвращалась, радостно подсакивая по деревянному тротуару и смело улыбаясь редким прохожим. Под ногами шуршали ярко-оранжевые листья клёнов, словно нащёптывая друг другу новости. Трепетали при лёгком дуновении ветра в красных платьях осины. Светило солнце, подмигивая девочке лучами сквозь ещё не облетевшую листву.

На фартуке красовалась, прикрепленная тонкой иглой, медаль из картона, где красиво красным фломастером выведено: «За усердие в учёбе Яне Трифоновой». Девочка торопилась рассказать маме о первых, неожиданных успехах. Запыхавшись, остановилась расстегнуть пальто. Крутанулась вокруг себя и перекинула портфель из одной руки в другую. К дому уже подходила спокойно.

— Мама, мамочка! Смотри, что у меня! — Яна распахнула пальто.

— Что? — Татьяна нехотя отвлеклась от стирки.

— А где моя медаль? — растерянная и обомлевшая, девочка смотрела на иголочку слева на фартуке. — Я её потеряла...

Яна провела рукой по месту, где совсем недавно находилась её первая награда.

— Ну что там у тебя? — раздражённо переспросила мама, распрямляя спину и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Меня наградили за прилежную учебу, но, кажется, я потеряла медаль по дороге, — горло сжало, в глазах защипало.

Промелькнула мысль: «Надо вернуться, поискать, может, лежит моя медаль на тротуаре». Яна стояла, переминаясь с ноги на ногу, и стеклянный взгляд мамы, сжатые губы и заострённый нос говорили: «Брось, пустое, ну потеряла и потеряла».

Яна быстро сняла пальто, обувь и отправилась в дальнюю комнату. Радость улетучилась.

Татьяна вернулась к стирке, пробормотав:

— Ну, наградили и наградили, — она думала, у кого занять денег, чтобы дотянуть до полочки. — Сходи на колонку за водой, мне полоскать надо! Да глянь, где там Колька гуляет! — крикнула в комнату, продолжая с нажимом шоркать постельное бельё на доске.

Дочь успела всплакнуть, когда услышала недовольный окрик матери. Вытерла ладошками слёзы и решила никому не рассказывать о своей маленькой награде и её горькой потере.

До самого вечера Яна носилась с сусовскими девчонками и мальчишками на улице. Играли в лапту. Она уже совсем забыла о своей первой в жизни награде. Вернее, старалась не думать. Усталая возвращалась домой.

На кухне, подбоченясь, у плиты стояла мама и живо что-то рассказывала сестрам. Ситцевый платок, завязанный сзади, открывал первые морщинки на лбу. Взгляд с задоринкой говорил, что привычная озабоченность ушла, есть чем накормить семью сегодня. Маринка с Любой сидели за круглым столом и внимательно слушали маму.

— А-а-а, медалистка явилась! — Татьяна насмешливо обратилась к младшей дочери.

Сёстры обернулись, а Яна засмушалась.

— Садись за стол, ешь, — и продолжила рассказ. — Вот так мы и жили. В школу за пятнадцать километров пешком ходили. Осенью — в дожди, зимой — в морозы. Обуви не было: в залатанных, перелатанных валенках. Бывало, шагаешь, а снег набивается в дыры. А что делать? Учиться надо. Восьмилетку с горем пополам закончила.

Пришла раз учительница, жаловаться: «У вашей дочери из оценок одни колы. По сочинению — кол, по математике — кол, по ботанике — кол». А мамка весело отвечает: «Ну что ж, значит, забор богатый поставим из колов-то».

Видя, как девочки прыснули со смеху, Татьяна и сама рассмеялась.

— Мама, а не страшно зимой по лесу идти? А волки? — Яна уже сидела за круглым столом, покрытым изношенной клеёнкой.

— Ну, страшно, не страшно, а куда деваться? — Она поставила перед дочкой тарелку с картошкой в мундире и маканку из густо порезанного лука с солью, заправленную пахучим растительным маслом.

Держа буханку чёрного хлеба на весу, отрезала ломоть.

— Страшно мне было, когда ты чуть не утонула в бочке с ледяной водой!

— Как?! — воскликнула Маринка.

Она сидела на деревянной скамье, сколоченной отцом, рядом с Яной, в выцветшем халате и с неизменными двумя косичками. Стала нервно их тереть от мысли, что ее сестрёнки могло не оказаться сейчас рядом.

— Стирала вот тут у плиты в ванне, а рядом бачок — полнёшенький почти ледяной воды, — мама девочек махнула головой в сторону алюминиевого бака, что стоял рядом с наполненными водой ведрами.

— Тебе, Яна, и года ещё не было. Только ползать научилась, да вставала на ноги, держась за что-нибудь. Вот рядом у бачка и ползала. Я закинула на верёвку пелёнку, и будто кто толкнул сзади. Татьяна говорила быстро, жестикулируя руками и глядя на одну Яну.

— Обернулась, глядь, а из бочки только ножки кверху торчат.

— Мама! Она же могла захлебнуться! — Люба, старшая сестра, испуганно глядела то на маму, то на Яну, которую жалела.

Люба училась в восьмом классе и считала себя взрослой. Голову её украшали каштановые волосы, распущенные по плечам. Ростом Люба была высокая не по годам, и мечтала только об одном: скорее уехать из дому.

Татьяна, взбудораженная воспоминанием, теперь уже смотрела на старшую.

— Я и говорю: вот где страшно мне стало. А ты про волков спрашиваешь. Да у меня от страха у самой чуть ноги не отнялись. Да, видно, ангел спас тебя, — ласково глянула Татьяна на младшую дочь. — Может, теперь счастливая будешь.

Яна слушала о своём спасении, затаив дыхание. Её сердце затрепетало от странного чувства: будто этот ангел и вправду где-то рядом — невидимый, но живой.

В дверях появился хмурый отец. Вернулся с дневной смены. Оглядел детей и мать усталым взглядом. Татьяна тут же скомандовала дочкам:

— Ну, шагайте в комнату, отца кормить очередь подошла.

Отец семейства, Костя, работал в котельной посменно. После запойных дней его со стройки уволили, и теперь о получении благоустроенного жилья можно было забыть. Кормить и одевать семью всё равно надо было, поэтому он устроился в кочегарку. Мускулистый, жилистый, работы Костя не боялся, ловко закидывал уголь в топку, не жалея спины. Вместе с этим копилось и напряжение от мыслей: «Не загуляет ли Татьяна?» Снова водка помогала расслабиться и забыться. После запоев внутри становилось мутно и стыдно. Через год пойдёт в школу младший сын, а старший Валентин вернется из армии. Этой осенью с горем пополам девчонок в школу собрали. Думал обратиться за материальной помощью в местком, да стыдно. У людей в глазах вопрос написан: «Как же вы получку пропиваете, а потом просите помощь?» Злился на Татьяну: то работает, то нет. Одно подспорье — сбор ягод. «Завтра мне в ночную смену, с утра можно и в лес за ягодами сходить, а дети помогут», — размышлял Костя.

— Надо за брусникой идти, — словно угадала мысли мужа Татьяна.

— Ну, значит, пойдём, — Костя неторопливо отмывал угольные руки под умывальником.

Сентябрьское утро заглянуло к Трифоновым в окна осенними лучами солнца. Квартиру протапливали раз в день, но к утру тепло расходилось сквозь щели в окнах и полах. Дети сладко спали под тонкими солдатскими одеялами. У кого-то сверху лежал отцов бушлат. Старшая Люба, как обычно, не ночевала дома. Она уходила вечером и возвращалась после школы или оставалась ещё на одну ночь у подруги.

Яна вставала безоговорочно на окрик матери, Маринка кочевряжилась, повторяла своё «не хочу», но спустя какое-то время поднималась и она. Сегодня всей семьёй они шли в лес за брусникой, потому что не на что жить. А бруснику можно продать у поезда или на трассе, и дотянуть до аванса отца. Так говорила мама. Тихой Яне всё было ясно и понятно. Да и в лесу ей нравилось бывать. Там особенный воздух, вкусные ягоды и рядом папа — молчаливый, но, главное, трезвый. С ним не страшно заблудиться, он умеет ориентироваться по солнцу. Папа научил её разбираться в съедобных грибах. Подберёзовики, красноголовики — самые красивые, а ещё розовые, с прорисованными кольцами, волнушки, что растут семейством.

Багряную бруснику Яна старательно собирала в бидончик. Целыми пригоршнями покрывала сначала дно, потом до середины посуды, и, наконец, целёхонький трёхлитровый бидончик относил отцу, а тот ссыпал ягоду в деревянный катализ на широких ремнях.

Ягод приносили много, и дружно чистили. Вечером мама ходила продавать спелую бруснику на вокзал к поезду и брала с собой младшую дочь. Затем отоваривались в продуктовом магазине, где покупала Яне вкусную, сладкую булочку.

Сёстры знали: может быть и по-другому. Вырученные с продажи ягод деньги уйдут на алкоголь. Они не раз пытались просить родителей не пить, но кто их слушал?

Глава 11. Печенье

Небо ежедневно хмурилось, а ветер гнал тяжёлые, свинцовые тучи, из которых затяжные дожди бесконечно барабанили по серым шиферным крышам бараков. Мутные лужи на улочках Сусовского района пузырились и увеличивались в размерах.

Яна перепрыгивала маленькие и шла по краю больших, изредка наклоняясь и собирая приглянувшиеся камешки. Её резиновые сапоги предательски протекали, а так хотелось измерить глубину лужи, зайти на середину и, двигая ногой к берегу, направлять волны. Тогда девочка стала глазами искать плоские камни и пробовать кидать их блинчиками. Она вспомнила, как летом отец на озере запускал плоские голыши, и они, едва касаясь водной глади, тут же отскакивали дальше. Попробовала раз, другой — камни тонули. Тут же, поймав себя на мысли, что мама ждёт её из магазина, скорее побежала выполнять поручение.

Открыв тяжёлую железную дверь, Яна вдохнула запах свежего, тёплого хлеба. Сглотнула слюну, встала в очередь. Продавщица тётя Зина, небольшого роста, в белом колпаке, с подкрашенными губами, бойко отпускала товар, одновременно разговаривая с покупателями. Она ловко касалась деревянных косточек на счётах, быстро взвешивала на весах крупу и со словами: «Следующий!» — равнодушно отворачивалась от собеседника. Девочка, продвигаясь за всеми, уловила запах чего-то вкусного, ванильно-сладкого. Перед глазами оказалось выложенное в форме медальонов шероховатое, золотисто-коричневое овсяное печенье. Его манящий запах густо исходил от коробки. Яна чуть задержала дыхание, словно пытаясь насытиться им.

Она знала, что в день зарплаты или «получки», как она слышала в семье, отец иногда покупает кулёк батончиков или печенья. Но на их ораву, как он выражался, нужен был вагон сладостей. «Да и когда эта получка?» — грустно подумала девчушка, вдыхая пряный, ароматный запах и с любопытством разглядывая продукты.

В магазине всего полно. Рядом с печеньем коробки с конфетами: в жёлтых фантиках — ириски, в ярких, шелестящих — шоколадные конфеты, батончики, карамель. А вот большой квадрат жёлтого, блестящего боками, сливочного масла.

Масло в семье тоже появлялось редко. Хранили его в банке с подсоленной водой, холодильника в семье не было. Намажешь на белый, душистый хлеб с хрустящей корочкой — вкуснотища!

— Что тебе? — продавщица в упор посмотрела на Яну.

А она, поглощённая мыслями о булке с маслом, не заметила, как подошла её очередь. Сжимая в кулаке пятнадцатикопеечную монету, робко произнесла:

— Мне буханку чёрного.

И положила на блюдце запотевшую мелочь.

Тетя Зина быстро подала буханку.

— Следующий, — бросила копейку сдачи на блюдце.

Обратно шагала не торопясь, откусывая мягкую тёплую корку хлеба и представляя, что во рту тает сладкое овсяное печенье. Обогнав соседа, старшеклассника с открытой сумкой за плечами, из которой торчали учебники, Яна радостно подумала: «Завтра в школу, ура!»

Во втором классе Яна Трифонова стала оставаться в продлёнке — там дополнительно кормили. Она первая справлялась с заданными уроками, а потом помогала остальным. Затем дети выходили на прогулку вместе с учителем.

Однажды Яна с одноклассницей Аней вернулась в пустой класс. Свежий ветер врвался через приоткрытые окна. Пахло мелом. На партах было пусто, ручки, тетради и учебники убраны в портфели. Аня обернулась, ее широкое лицо с полными губами и лукаво прищуренными глазами светилось призывной улыбкой:

— А давай посмотрим, что у кого в портфелях!

— Давай, — пожала плечами Яна, подумав, что они же только заглянут в портфель, наверное, так можно.

Аня первая открыла чужой синий ранец:

— Ну, тут ничего интересного.

Открыла соседний, весело поглядывая на соучастницу. Яна сомневалась, но всё же последовала примеру одноклассницы и потянулась к металлическим застёжкам. Она уловила знакомый запах, тот, который почувствовала вчера в магазине. Запах был таким ярким, что девочке показалось, будто она снова стоит у прилавка и вдыхает аромат сладости.

Из бумажного кулька по дну портфеля рассыпалась часть овсяного печенья. Там же лежал пенал, два учебника и тетради. Рука сама потянулась за лакомством. Яна отломилла маленький кусочек и сунула его в рот. Сладость разлилась по языку мгновенной радостью:

— Как вкусно! — теперь уже Яна смотрела на Аню.

Та быстро оказалась рядом. Они мигом съели всё печенье, что лежало в портфеле, и вернулись на прогулку.

Конечно, пропажа обнаружилась, и всё быстро выяснилось. Яна впервые услышала в свой адрес слово «воровка». Возвращалась домой грустная, вяло тащила портфель. Домашним решила не рассказывать, зная, что будет ещё горше услышать насмешки.

На следующий день в конце урока Ирина Алексеевна вызвала Яну к столу и спокойным голосом потребовала рассказать о вчерашнем. Девочка понуро подошла. В классе повисла гнетущая тишина: кто-то с задней парты хихикнул, кто-то смотрел в упор, а кто-то отвёл глаза. Она переминалась с ноги на ногу и глядела в пол. Щёки горели от стыда. В горле стоял ком, руки вспотели, голос дрожал.

Когда Яна, запинаясь, рассказывала, Ирина Алексеевна, вырезая ножницами трафареты, с нажимом спрашивала:

— А потом? Что дальше?

И ученица тихо продолжала говорить о краже.

— А теперь, Яна Трифонова, напхни себе и всем правила октябрят, — учительница на минуту многозначительно посмотрела на дрожащую девочку и продолжила двигать ножницами по трафаретам.

Яна всё так же тихо и без интонации, с какой обычно второклашки произносили правило-клятву, произнесла:

— Октябрята — будущие пионеры. Октябрята — прилежные ребята, любят школу, уважают старших. Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут. Октябрята — правдивые и смелые, ловкие и умелые. Октябрята — дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут.

Ирина Алексеевна опять взглянула на девочку:

— Вот именно, Яна, октябрята — правдивые, а значит честные и никогда не смеют поступить с другими плохо. Без разрешения брать чужое — это сродни воровству. Садись на место, и завтра принеси десять копеек пострадавшей.

С Аней повторилось то же самое. И опять после продлёнки девочка тащила портфель с невыносимой ношей стыда.

«Стыдно. Я воровка. Но мне так хотелось сладкого печенья... Нет. Очень стыдно, — на фоне безрадостных мыслей в голове, словно приказ, крутилась одна главная: — Никогда не смей брать чужое без спросу!»

Яна всё же решила рассказать семье о своем проступке, заранее зная, как будет задирать ее Маринка. Да и десять копеек нужно было вернуть. «Ну и пусть!» — подумала она, злясь на себя, и резко открыла уличную дверь.

— Сыночек, милый! Вернулся, наконец! — ещё в коридоре услышала Яна мамины восклицания.

Зайдя в квартиру, девочка уткнулась во что-то мягкое. Обернувшись, она увидела тётю в зелёном пальто, которая посторонилась. Посреди кухни стоял человек в военной форме и обнимал маму.

Молодая пара явно зашла в квартиру буквально перед Яной. Конечно, она узнала в солдате старшего брата Валентина.

— Ну, привет, сестрёнка!

Перед Яной стоял невысокого роста солдат в строгом кителе цвета хаки и погонами с красными заглавными буквами «ВВ». Он поднял её, как пушинку.

— Какая большая стала! Надеюсь, отличница?

Девочка засмузилась, убежала в комнату. Все переживания мигом улетучились. Стыд ещё колотился где-то внутри, но кто-то добрый и родной подул на место от укусов, и стало легче. «Я потом всё расскажу, потом, » — думала второклашка и торопливо вешала школьную форму на вешалку, никак не попадая в рукава платья. Ей скорее хотелось вернуться на кухню. Появился Колька.

— Яна, а ты знаешь, где наш Валентин служил? Во внутренних войсках. Что такое внутренние войска, Яна? Внутри чего они? — Колька, взбудораженный встречей, говорил не оставаясь.

Яна узнала, что тётя в пальто — будущая жена брата Валентина. Приехали они с Урала, и это очень, очень далеко от Лоух.

Будущую жену звали Лиля. Ей совсем недавно исполнилось семнадцать, и она была на четвёртом месяце беременности. Лилия молча разглядывала домашних большими, синими глазами, поджимая тонкие губы в знак недовольства. Она сразу поняла, что жить здесь не будет — негде, да и обстановочка не знаешь, как и обозвать. «Вот распишемся, — думала Лилия, — и домой, назад в Шадринск». Там тоже семья большая, но живут они в добротном бревенчатом доме, работают от зари до зари. Отец братьям спуска не дает. Только ей вот, любимице, всё можно. «Ну и укатила в другой конец страны, дура!» — рассуждала с горечью Лилия. Уедем, в таком бедламе я точно жить не собираюсь.

Глава 12. Демонстрация

На седьмое ноября в посёлке развесили красные флаги, а через главную улицу протянули лозунги: «Миру — мир!» и «Слава КПСС!». Большой исторический праздник — день Великой Октябрьской революции — отмечали сегодня по всей стране и в Лоухах.

В этот день народ дружно, от мала до велика, выбирался из квартир: с цветными шарами в руках, с транспарантами и портретами членов политбюро. Жители посёлка колоннами двигались к небольшой площади перед деревянным одноэтажным клубом, где была установлена трибуна. На ней стояло местное руководство, важно и снисходительно обводя взглядом стройные ряды трудящихся. Люди, счастливые и взбудораженные, мощно выкрикивали: «Ура!». И такое же громкое: «Слава КПСС!».

Холодно, мороз щиплет руки, крепко держащие высокие транспаранты. Но это мелочь по сравнению с волнительным, важным праздником. Чуть порошит снежок, звонко стучат каблучки по асфальту, и приподнятое настроение передается друг другу.

В школе на политинформации детям объясняли важность этого дня. Когда-то власть перешла к народу, а царя и буржуев свергли. Рабочие и крестьяне построили социализм, и теперь, несомненно, осияют и коммунизм. Это когда в магазинах всего будет много и даже бесплатно. Не станет богатых и бедных, все будут равны и счастливы. «Победим всех врагов, и на земле настанет мир», — так говорила октябрютам Валентина Алексеевна. Яна верила учительнице и очень хотела, чтобы это время скорее наступило. «Тогда и мама с папой бросят пить, а в доме будет еда», — уверенно размышляла девочка.

Она шагала вместе с одноклассниками и радостно кричала:

— Ура-а-а!

А в животе громко урчало от голода. Утром они с сестрой и младшим братом быстро оделись и убежали на демонстрацию. Печка была не топлена, есть нечего, родители от гостей еще не вернулись.

«Возвращаться домой потом страшно, а вдруг там пьяный отец, тогда идти не к кому. Бабушек и дедушек у них нет, в гости никто не зовёт, да и кому они нужны?» — горькие мысли мелькали в голове девочки между криками «Ура!».

Яна прятала озябшие руки без перчаток в рукава пальто и чувствовала, как коченеют ноги в демисезонной обуви. Людей построили квадратами. С трибуны доносились обрывки выступлений. Валентина Алексеевна шикала на Архипова, который никак не хотел стоять смиренно и громко спрашивал:

— Ну, когда уже всё? Ну, когда?

Яна стучала ногой об ногу, чтобы хоть немного согреться. Она думала только об одном: как хочется кушать и что их ждёт дома? Младший брат, первоклашка, подёргивался от холода в тонкой шапчонке и болоньевой куртке. Самый маленький по росту в классе, задиристый и добродушный, Колька весело кричал «Ура!», подпрыгивая вверх и пытаясь разглядеть, что происходит на трибуне. Оттуда звучала уверенная речь оратора о победах партии и народа, о скором наступлении светлого будущего, ради которого стоит хорошо учиться, трудиться и жить.

Домой возвращались втроём через «чёрный ход» — так называли закоулки, что шли параллельно центральной улице Октября. Маринка подгоняла Колю с Яной.

— Ну что вы тащитесь! Давайте быстрее.

И добавляла:

— У меня двадцать копеек есть. Сейчас зайдем в магазин, купим хлеба.

Яна вместе с братом осталась на улице под окнами магазина. Она слегка подпрыгивала и тянула Колю за руку, чтобы он повторял за ней. Дверь магазина распахнулась, и на крыльце показался пожилой мужчина. В одной руке он держал авоську, в другой — пол-литровую банку сметаны. Остановился, внимательно глядя на ребятню.

— Ну что, замёрзли? — глаза под нависшими седыми бровями смотрели по-доброму и с любопытством. — Маму с папой ждёте?

— Нет, сестру. Она купит нам булку, мы с утра ничего не ели, — выпалила Яна, сама не ожидая от себя «лишней болтовни», как говорил отец.

Потом, шмыгая красным носом, вдруг попросила:

— Дедушка, а вы не могли бы дать нам немного копеек?

И тут же смутилась от своей наглости, опустила глаза, почувствовав, как щекам стало горячо. Дедушка едва улыбнулся в седую бороду и протянул ей банку со сметаной.

— Милые, эго вас, да что же это такое!

Он торопливо полез в авоську, достал румяную, обсыпанную сахаром булку и глянул на Кольку.

— На-ка, возьми, внучок. Видел я голодных детей во время войны, но чтоб сейчас, в наше время, — покачал мужчина головой.

Колька молча взял булку и с явным интересом разглядывал доброго, в чистой синей фуфайке и шапке-ушанке деда. На крыльце магазина показалась Маринка. Бойко скомандовала:

— Пошли домой.

Троица тут же удалилась, оставив пожилого человека в недоумении.

Колька жадно ел булку, а Яна языком доставала густую сметану и впопыхах объясняла сестре про доброго дедушку. Маринка не дала ей закончить:

— Этот дедушка живёт за нашим бараком. Один. Дом бревенчатый, а на нём — красная звезда. Он ветеран войны, точно.

Яна шла и молчала. «Как-то нехорошо получилось. И дедушку жалко. Живёт вот один одинёшенько», — грустно думала она. А кушать хотелось ещё сильнее.

На дверях квартиры висел замок: значит, родителей нет, и вряд ли они вернутся трезвыми. Маринка нарезала белый хлеб большими кусками, намазала сметаной и посыпала сахаром. Убрала пустые бутылки и стаканы, лакомились, сидя за круглым столом. В доме было холодно, но дети не унывали, понимая: другого дома нет и идти не к кому.

На улице темнело. Медленно опускались снежинки, белыми парашютиками ложились на подмёрзшую землю. Шуршание затяжных дождей сменилось на твёрдые шаги суровой карельской зимы.

Глава 13. В обнимку с печалью

Белоснежная хозяйка природы не заставила себя ждать: весь ноябрь и декабрь валил снег. Высокие сугробы между бараками смотрелись как дюны в пустыне. Зигзагами к остановке тянулись протоптанные дорожки.

Независимо от того, во сколько ложились спать, дети Трифоновы вставали, как солдаты, быстро одевались и шли в школу. В ожидании автобуса, чтобы согреться, школьники бегали вокруг остановки. У Трифоновых редко появлялись деньги на оплату проезда, вот и в это утро Яна с Маринкой шли пешком. Пять остановок, что-то в районе двух километров, нужно было шагать быстро, не задерживаясь. Девчонки в ходьбе поднаторели, а вот Коля часто не торопился и опаздывал в школу. Одно слово, «первоклашка, маленький ещё», так говорила мама Трифоновых. Он и вправду рос невысоким мальчишкой, всегда улыбающимся и немного шкодником. В семье его все любили и баловали.

Маринка шагала в новом пальто с искусственным мягким воротником и в такой же меховой шапке бурого цвета с завязками под подбородком. Шарф туго закрывал ворот. На ногах были чёрные бурки с красной вставкой и замками впереди.

Младшая донашивала одежду за старшей: синее пальто было чуть великовато, полы путались под ногами. Яна ускоряла шаг и пыталась попасть в след Марининых бурок. Её серая зимняя шапка из меха, похожего на шерсть барашка, плотно сидела на голове, большая пуговица была туго застёгнута под подбородком. Учительница в продлёнке называла её шапку «кучерявым шлемом».

Сёстры дружно шли по узкой тропинке. Опаздывать нельзя, да и мороз крепчал день ото дня. Чтобы ноги не заоченели, надо было двигаться быстрее.

— Я сегодня в музыкалку иду, — деловито предупредила Маринка, намекая, что после школы ждать Яну не будет.

— Марина, возьми меня с собой, ну хоть разок! — попросила Яна. — Я тоже хочу побывать в вашей школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.